

ПРАВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

1899 г.

№ 16.

Четвергъ 15 апрѣля.

„Право“ издается въ С.-Петербургѣ подъ редакціей приватъ-доцента *В. М. Гессена* и *Н. И. Лазаревскаго* и при ближайшемъ участіи: прив.-доц. *Ф. А. Вальтера*, *И. В. Гессена*, *О. О. Грузенберга*, прив.-доц. *А. И. Каминка*, *В. Д. Набокова*, проф. *Л. И. Петражицкаго* и *В. М. Устинова*.

Содержаніе: 1) Роль законовъ въ исторіи гражданскаго права.—Проф. *Л. И. Петражицкаго*. 2) Статья 29 временныхъ правилъ о волостномъ судѣ и разъясненія министерства внутр. дѣлъ.—*Н. И. Лазаревскаго*. 3) Къ толкованію 2 п. 582 ст. уст. судопр. торг.—*Л. Я. Таубера*. 4) Новыя данныя изъ области криминалистики (переводъ съ рукописи).—*D. r. H. Gross*. 5) Судебные отчеты. 6) Хроника. 7) Библиографія: *В. Чичеринъ*. О народномъ представительствѣ.—*Н. Л.* 8) Юридическія общества. 9) Судебная и судебно-административная практика. 10) Справочный отдѣлъ (на обложкѣ).

РЕДАКЦІЯ (Надеждинская, 7) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 1 ч. до 3 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленію надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку. Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу за годъ—10 руб. Отдѣльные нумера продаются по 20 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Надеждинская, 7) открыта отъ 11 час. до 4 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней

Отъ конторы редакціи газеты „Право“.

Гг. подписчиковъ, воспользовавшихся при подпискѣ разсрочкой платежа, контора покорнѣйше проситъ поспѣшить уплатой остальнаго взноса (3 р.) съ приложеніемъ печатнаго адреса, по которому высылается газета.

Лицамъ, не приславшимъ своевременно втораго взноса, высылка газеты съ № 18 будетъ прекращена.

Роль законовъ въ исторіи гражданскаго права.

(См. Право № 12).

Въ предыдущемъ очеркѣ мы нарочно оставили особо на уголовномъ правѣ и процессѣ, чтобы показать, что сравнительное изслѣдованіе закона и обычая съ нашей точки зрѣнія дало бы интересныя и обильныя результаты, свидѣтельствующія объ указанной выше симпатичной роли закона въ исторіи права,—даже въ такихъ областяхъ законодательства, которыя преслѣдуютъ особыя, спеціальныя цѣли, повидимому, никакого отношенія къ мысли объ уравненіи распредѣленія благъ жизни между людьми не имѣющія.

Въ другихъ областяхъ права, въ особенности въ тѣхъ, которыя непосредственно регулируютъ распредѣленіе имущества, напр., въ вещномъ, обязательственномъ, семейственномъ имущественномъ и наслѣдственномъ правѣ эта тенденція закона выражается еще яснѣе.

Удивительно, что никому изъ безчисленныхъ

изслѣдователей римскаго права многихъ вѣковъ, толковавшихъ и перетолковывавшихъ на всѣ возможные и невозможные лады каждый фрагментъ Дигестовъ, писавшихъ ученѣйшія монографіи по поводу отдѣльныхъ фрагментовъ или даже словъ и выраженій, употребленныхъ въ какомъ-либо изреченіи Ульпіана или Павла, не пришло въ голову изслѣдовать, что внесло законодательство въ развитіе римскаго гражд. права, выдѣлить, напр., въ особый списокъ положенія законодательнаго происхожденія (*leges, senatusconsulta, constitutiones...*) и научно переработать, систематически сопоставить и обобщить тѣ мысли и принципы распредѣленія, о которыхъ бы повѣствовало такой списокъ. Тенерешніе эпигоны исторической романистической школы занимаются установленіемъ безчисленныхъ по количеству и микроскопическихъ по своему научному вѣсу предположеній относительно того, какія слова Инстигцій и Дигестовъ были сказаны классическими юристами, и какія слова были вставлены кодификаторами. Въ пользу этихъ микроскопическихъ

словесныхъ гипотезъ приводятся всевозможные произвольные и ненаучные доводы вплоть до личнаго инстинкта и стилистическаго вкуса изслѣдователя, какъ послѣдней безапелляціонной инстанціи ¹⁾. Крупные же и несомнѣнные факты того же рода, существенныя по содержанию законодательныя реформы остаются безъ надлежащаго научнаго освѣщенія и обобщенія. О придаточныхъ предложеніяхъ со словомъ *nisi*, какъ признакъ участія юстиніановой комиссіи въ редакціи текста, и т. п., выставляются и принимаются за важныя научныя открытія произвольнѣйшія теоріи, но тѣ несомнѣнные факты, которые показываютъ, что эта законодательная комиссія и вообще законы Юстиніана, продолжая дѣло прежняго законодательства, дѣйствовавшаго въ томъ же духѣ, внесли массу болѣе или менѣе крупныхъ по существу измѣненій въ распредѣленіе, проникнутыхъ если не единою сознательною мыслью, то единымъ инстинктивнымъ стремленіемъ,—не пользуются вниманіемъ науки и не составляютъ темы научныхъ изслѣдованій. Почему специалисты по употребленію слова *nisi* и т. п. словъ и выраженій въ источникахъ не обратятъ вниманія, напр., на слова *satis inhumanum est, acerbum est* (жестоко, негуманно) и т. п. типичныя выраженія законодательныхъ фрагментовъ, начинающихся съ оправданія необходимости законодательнаго вмѣшательства указаніемъ на жестокосердіе измѣняемаго ими права—вообще на дѣйствительныя характерныя особенности стили, аргументаціи и направленія законовъ въ отличіе отъ фрагментовъ юристовъ?

Мало того, романисты (впрочемъ, не они одни, а и напр., германисты) не только оставляютъ безъ достаточнаго спеціальнаго освѣщенія и разработки этого рода вопросы и темы, но даже представляютъ исторію права въ неправильномъ свѣтѣ, въ несоотвѣтствующемъ исторической дѣйствительности видѣ путемъ ступенчатости и игнорирования крупной прогрессивной и гуманной роли законовъ въ разныхъ областяхъ права. Еще прежде, читая послѣдовательно разныя части *Corpus juris* для другихъ цѣлей, не думая спеціально о роли закона и обычая въ исторіи права, я удивлялся крайнему несоотвѣтствію между дѣйствительнымъ содержаніемъ *Corpus juris* и тѣмъ его отраженіемъ, ступенчатымъ законодательные элементы, которое заключается въ литературѣ римскаго права; въ особенности меня поражала масса гуманныхъ и истинно культурныхъ законодательныхъ постановленій, о количествѣ, качествѣ и значеніи коихъ я прежде и не подозрѣвалъ (воображая, что знаю

во всякомъ случаѣ общій духъ и главнѣйшее содержаніе источниковъ на основаніи знакомства съ литературой и справокъ въ источникахъ подъ руководствомъ этой литературы). Кодексъ и Новеллы (а также и тѣ части Институцій и Дигестовъ, которыя содержатъ данныя законодательнаго происхожденія) содержатъ на каждомъ шагѣ свидѣтельства о гуманныхъ стремленіяхъ законодательства облегчить участь разныхъ обиженныхъ и униженныхъ категорій людей, въ особенности разныхъ классовъ въ социальномъ-экономическомъ смыслѣ ¹⁾.

Но и та часть законодательнаго матеріала источниковъ, которая вслѣдствіе систематической или иной необходимости достаивается вниманія романистической литературы, излагается ею какъ бы нѣхотя и ступенчато разными способами. Здѣсь часто замѣтно стремленіе умалить силу гуманнаго и направленнаго противъ притѣсненій закона путемъ рестриктивнаго толкованія, путемъ утвержденія, что они отмѣнены или ограничены новымъ обычнымъ правомъ, или по крайней мѣрѣ путемъ разныхъ прямыхъ или косвенныхъ порицаній. Таково, напр., традиціонное содержаніе тѣхъ сравнительно краткихъ замѣчаній, которыя обыкновенно посвящаются законамъ Анастасія и Юстиніана, направленнымъ въ области цессіи противъ эксплуатаціи должниковъ и соотвѣтственнаго грязнаго промысла. Здѣсь традиціонно помѣщается увѣщаніе противъ распространительнаго пониманія и аналогичнаго примѣненія, ссылка на новую юриспруденцію и судебный обычай, какъ авторитетъ въ пользу суженія области примѣненія (частичной отмѣны) этихъ уже рестриктивно толкуемыхъ законовъ, устанавливается правило относительно *opus probandi*, затрудняющее пользованіе защитой этихъ постановленій, наконецъ заявляется порицаніе. Таково и мало-дружелюбное отношеніе романистической юриспруденціи къ законамъ о процентахъ. Характерно, напр., что у Виндшейда, который въ отличіе отъ Іеринга, Бэра и нѣкоторыхъ другихъ юристовъ, становящихся обыкновенно въ духѣ Іеринга на сторону сильнаго противъ слабого для лучшей „защиты интересовъ“ кредиторовъ, собственниковъ и т. п., и обостряющихъ путемъ произвольнаго толкованія римское обязательственное право (напр., борьба противъ волевой теоріи, *culpa in contrahendo*, абстрактныя сдѣлки и т. п.), стремится объективно и безпристрастно относиться къ источ-

¹⁾ *Bona fides* въ гражд. правѣ, §§ 17, 23 и *passim*, ср. также въ недавно появившейся прекрасной книгѣ М. Я. Пергамента „Договорная неустойка и интересъ“ замѣчанія на стр. 74 и сл.

¹⁾ Изъ Кодекса и т. п. можно также извлечь интересныя данныя для косвеннаго ознакомленія съ тогдашнимъ обычнымъ правомъ въ тѣсномъ смыслѣ и разными обычными практиками, финансовыми и административными притѣсненіями, классовой эксплуатаціей и т. п.—противъ чего направлена значительная часть законовъ. Фрагменты римскихъ юристовъ въ Дигестахъ, посвященные разнымъ цивилистическимъ тонкостямъ, и романистическая литература и объ этой сторонѣ римскаго юр. быта не даютъ правильнаго представленія.

никамъ, мы находимъ въ § 261 (П т.), посвященномъ римскимъ законамъ о процентахъ, слѣд. замѣчаніе: „По позднѣйшимъ постановленіямъ Юстиніана наростаніе процентовъ должно прекратиться даже въ томъ случаѣ, если уплаченные проценты достигли суммы капитала, Nov. 121, 138 (l. 29. 30. C. h. t.), Nov. 160; но эти мѣста къ счастью не глоссированы. Впрочемъ, теперешняя примѣнимость и упомянутого въ текстѣ правила (*ultra duplum*) подвергается спору со стороны теории и суд. практики, и даже поскольку оно признается, нерѣдко въ новѣйшее время путемъ постоянной судебной практики устанавливается изытіе на тотъ случай“... (излагается изытіе, умаляющее вообще силу закона). Тотъ же авторъ, впрочемъ, заявляетъ свое несогласіе съ такими новыми тенденціозными толкованіями другихъ римскихъ законовъ противъ ростовщичества (*anatocismus*), которыя почти равняются произвольному уничтоженію ихъ. Не менѣе враждебно отношеніе романистовъ къ закону Юстиніана, направленнаго противъ притѣсненія должника чрезмѣрными счетами интереса, *quod interest dupli quantitatem minime excedere*, къ законамъ, смягчающимъ положеніе поручителей, корреальныхъ должниковъ и т. п.; краткое перечисленіе и порицаніе посвящается обыкновенно введеннымъ законами т. н. общимъ легальнымъ ипотекамъ, а то, что ими охранялось отъ чиновничьяго и иного хищенія *bonum publicum* въ тѣсномъ смыслѣ (госуд. хозяйство), а равно добро разныхъ категорій особенно беззащитныхъ и легко эксплуатируемыхъ лицъ: сиротъ, вдовъ, дѣтей перваго брака при заключеніи оставшимся родителемъ втораго брака, душевно-больныхъ..., не указывается и не оцѣнивается, и т. д.

И тѣмъ не менѣе уже изъ той всячески сокращенной и умаленной части законодательнаго матеріала, которую литературныя традиціи и тенденціи не исключаютъ изъ систематическаго или историческаго изложенія римскаго права, при нѣкоторомъ хотя бы бѣгломъ обзорѣ его, легко и несомнѣнно получается тотъ выводъ, что болѣе важныя и основныя шаги впередъ по пути гуманности распредѣленія были достигнуты въ исторіи римскаго права не обычнымъ правомъ и не правомъ юристовъ, а именно законодательствомъ.

Вообще при нѣкоторомъ вниманіи съ нашей точки зрѣнія получается такое впечатлѣніе, что сравнительно рѣдко и кратко сообщаемыя среди массы прочаго матеріала законодательныя положенія представляютъ почти всегда именно наиболѣе цѣнныя и гуманныя съ социальной точки зрѣнія положенія; въ каждомъ отдѣлѣ права именно эти положенія являются оазисами гуманности и этапами прогресса.

Въ ученіи о лицахъ и гражданской правоспособности мы, на примѣръ, наталкиваемся на лаконическое сообщеніе, что *l. Julia* и *l. Plau-*

tia Papiria предоставили *jus civitatis* всѣмъ Италикамъ, что законъ Каракаллы объявилъ римскими гражданами всѣхъ тогдашнихъ жителей имперіи, что Юстиніанъ отмѣнилъ *editicia libertas* и латинитетъ, т. е. отмѣнилъ соотвѣтственныя ограниченія правоспособности, предоставилъ въ видѣ общей мѣры *jus augeonum annulorum* и *natalium restitutio* всѣмъ вольноотпущеннымъ и т. п.; вообще здѣсь мы имѣемъ дѣло, такъ сказать, съ грандіознымъ производствомъ полноправныхъ субъектовъ гражданскихъ правъ: *commercium, connubium* (атакже и публичныхъ: *jus honorum jus suffragii*).

Среди *cives* субъектами гражданско-правового распредѣленія имуществовъ были первоначально только *patres familiae*. Прочіе же домохозяева играли по обычному праву роль орудій приобрѣтенія и объектовъ обмѣна (продажа, залогъ). Не обычное право, а законы, съ одной стороны, запретили распоряженіе членами семьи какъ имущественными объектами, съ другой, возвели ихъ въ субъектовъ имущ. распредѣленія (законы Константина, Юстиніана и другихъ о разныхъ *peculia, bona adventicia*...) и возложили на родителей обязанность давать содержаніе и воспитаніе всѣмъ дѣтямъ.

Въ исторіи вѣчно-правового быта на ряду съ болѣе мелкими законами, имѣющими цѣлью предохранить отъ разныхъ опасностей и злоупотребленій разныя категоріи нуждающихся въ особой защитѣ лицъ (напр., упомянутыя выше ипотечныя законы, легальныя запрещенія отчужденія и т. п.), мы встрѣчаемъ весьма знаменательное явленіе иного порядка — т. н. аграрныя законы (знаменитыя *l. Licinia Sextia, leges Semproniae* и т. п. позднѣйшіе законы).

Въ области долгового права на ряду съ крупными законодательными мѣрами, направленными противъ долговой эксплуатаціи, какъ, напр., законодательство о процентахъ, мѣрами въ пользу смягченія *executio* и участи неоплатныхъ должниковъ (*lex Poetelia Papiria*, отмѣнившая право убійства, продажу въ рабство, бичеваніе должниковъ со стороны кредиторовъ и т. п. и другіе законы и рескрипты, смягчающіе *executio*), мы встрѣчаемъ массу болѣе мелкихъ гуманныхъ законовъ въ почти всѣхъ отдѣлахъ обязательственнаго права, гдѣ только можно было что сдѣлать въ пользу „*miseri debitores*“ и т. п.

Изъ исторіи семейственнаго и наследственнаго имущественнаго права, кромѣ упомянутого уже выше превращенія домохозяевъ изъ объектовъ въ субъектовъ распредѣленія, вспомнимъ *edicta, senatusconsulta* и императорскіе законы, постепенно уничтожившіе родовой, агнатскій аристократизмъ наследованія, давшіе наследственное право всѣмъ кровнымъ родственникамъ безъ различія пола, безъ предпочтенія мужскихъ линій женскимъ и т. д. Особаго вниманія заслуживаетъ также забота законодателя о женахъ и вдовахъ, проходящая

красною нитью по разнымъ отдѣламъ законодательства; сюда, напр., относятся *l. lulia de fundo dotali*, *scutum Velleianum* и законъ Юстиніана, направленный противъ эксплуатаціи и разоренія женъ со стороны мужей путемъ привлеченія къ заемнымъ сдѣлкамъ, законъ того же императора о возвращеніи приданого, устранившій *lucrum dotis* со стороны мужа и разныя *retentiones* и вообще существенно улучшившій положеніе жены и вдовы по отношенію къ приданому, законы о *donatio propter nuptias*, о произвольныхъ разводахъ, введеніе обыкновеннаго наслѣдственнаго права между супругами, и (несравненно болѣе существенный для обезпеченія вдовъ) законъ Юстиніана, предоставившій вдовѣ въ случаѣ ея имущественной необезпеченности т. н. чрезвычайное, не обусловленное отсутствіемъ кровныхъ родственниковъ наслѣдственное право.

Здѣсь нельзя не вспомнить и о другихъ чрезвычайныхъ наслѣдственныхъ правахъ римскаго права, о *quarta divi Pii* и о правѣ дѣтей, рожденныхъ въ незаконномъ сожителствѣ, на $\frac{1}{6}$ наслѣдства отца; ближайшее право наслѣдства послѣ матери получили дѣти, въ томъ числѣ и внѣбрачныя, уже по *scutum Orphitianum* 178 г. Рядомъ съ этимъ закономъ упоминается обыкновенно *scutum Tertullianum*, предоставившее право наслѣдованія матери послѣ дѣтей, и императорскія конституціи, позаботившіяся о дальнѣйшемъ и лучшемъ обезпеченіи матери. По законамъ Юстиніана вообще родители и дальнѣйшіе восходящіе наслѣдуютъ вмѣстѣ съ братьями и сестрами предпочтительно предъ дальнѣйшими родственниками наслѣдодателя etc. etc.

Вообще можно сказать, что именно путемъ законодательства римское гражданское право достигло той культурности, вслѣдствіе которой рецепція его со стороны новыхъ народовъ явилась крупнымъ общественнымъ прогрессомъ.

Путемъ рецепціи въ тѣсномъ смыслѣ и законодательнаго заимствованія, римскіе законы, такъ сказать, повторно реформировали обычное право значительно менѣе гуманнаго типа, замѣнивъ его правомъ болѣе гуманнаго содержанія. Поскольку же въ новой Европѣ старое германское и иное обычное право не было отмѣнено римскимъ правомъ или поскольку новыя законодательства не рѣшили реформировать дѣйствующее право обычнаго происхожденія, мы и теперь еще можемъ наблюдать различіе двухъ системъ права — гуманныхъ и уравнительныхъ принциповъ римскаго и новаго законодательства, съ одной стороны, остатковъ разной „старой пошлины“ противоположнаго типа, съ другой стороны. Замѣчательно, что наглядное подтвержденіе этого доставляетъ намъ и новѣйшій гражданскій кодексъ — германское гражданское уложеніе. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сопоставить статьи Вводнаго закона, перечисляющія тѣ мѣстные остатки германскаго обычнаго права, которые

„остаются нетронутыми“ (*unberührt bleiben*), т. е. остаются дѣйствующими изъятіями по отношенію къ общимъ нормамъ новаго уложенія, къ соответственнымъ общимъ принципамъ самого уложенія. Первые представляютъ такіе остатки обычно-правового сословнаго аристократизма, семейственнаго неравенства и т. п., которые уже французскій, почти на столѣтіе старшій, но болѣе воплощающій въ себѣ типическія свойства законодательства (въ отличіе отъ „свода“ дѣйствующаго права) кодексъ счелъ несправедливыми, несогласными съ принципомъ равенства и подлежащими окончательному устраненію.

Къ такимъ „оставленнымъ нетронутыми“ мѣстнымъ остаткамъ старой германской пошлины, рѣзко противнымъ по духу своему общимъ началамъ новаго кодекса, относятся, напр., дворянскіе институты: фамильные фидеикомиссы и т. п. (*Familienfideicommiss*, *Stammgüter*, *Lehen*), упомянутые уже выше институты крестьянскаго права (неравное дѣленіе наслѣдства, *Anerbenrecht*, „доля старшихъ“ и т. п.), особенности семейственнаго и наслѣдственнаго права нѣкоторыхъ категорій высшей аристократіи и т. д.

Заимствованіе римскаго права въ новой Европѣ сыграло въ значительной степени роль суррогата прогрессивнаго самостоятельнаго гражданскаго законодательства. Поскольку же въ области частно-правового быта все-таки проявлялось и проявляется теперь и самостоятельное законодательное вмѣшательство и творчество, оно проникнуто тѣми же стремленіями, которыя мы выше констатировали въ области римскаго законодательства. И здѣсь мы имѣемъ дѣло съ цѣлымъ рядомъ законовъ, направленныхъ на смягченіе участи должниковъ (законодательная отмѣна разныхъ родовъ личной *executio*, ограниченіе имущественнаго взысканія съ цѣлью оставить должнику средства дальнѣйшаго существованія и заработка), на охрану должниковъ отъ ростовщической и иной эксплуатаціи (ср., напр., въ новое время законод. введеніе понятія вещнаго ростовщичества, запрещеніе *lex commissorія* при продажѣ въ разсрочку и т. п.), на исправленіе вещно-поземельныхъ отношеній (новое грандіозное аграрное законодательство), на обезпеченіе участи пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ при эксплуатаціи разныхъ промышленныхъ предпріятій и т. п.

Мало законодательнаго творческаго духа видно въ новомъ германскомъ уложеніи; оно больше похоже на сводъ „пошлины“, а все-таки, какъ извѣстно, и въ немъ, какъ и въ законодательствѣ Юстиніана, которое имъ отмѣняется, содержится цѣлый рядъ новыхъ благожелательныхъ по отношенію къ разнымъ *miseri* (рабочимъ, слугамъ, квартирантамъ, должникамъ, женамъ, вдовамъ, незаконнорожден-

нымъ, потерпѣвшимъ отъ несчастнаго случая и т. п.) положеній.

Нельзя не упрекнуть въ большомъ бездѣйствіи гражданское законодательство въ Россіи. Но и здѣсь, какъ и вездѣ, не обычай, а законъ создавалъ нормы противъ ростовщичества (законы о процентахъ и т. п.) и иной долговой эксплуатаціи, законами была постепенно смягчаема долговая *executio*, закономъ были предоставлены главной массѣ народонаселенія, крестьянамъ, личныя гражданскія права, тотъ же законъ надѣлилъ ихъ землею...

Интересно было бы съ этой точки зрѣнія обозрѣть исторію гражданского права въ новой странѣ обычнаго права — Англии. Мы напомнимъ только общеизвѣстныя недавнія событія: глэдстоновскіе и прочіе аграрные законы, реформу долгового права, устранившую безобразія, которыя еще Диккенсъ столь краснорѣчиво описывалъ по личнымъ наблюденіямъ, законы 1870, 1874, 1882 гг., которыми произведено по истинѣ волшебное превращеніе семейственнаго права, юридическаго положенія женъ — не малой доли народонаселенія. Если до этихъ недавнихъ законовъ жены могли быть названы субъектами гражданскихъ правъ, то съ равнымъ почти правомъ можно и рабовъ по римскому или инымъ знавшимъ рабство правамъ назвать субъектами правового распредѣленія. Жена имѣла по *common law* право жалобы на мужа, но только въ случаѣ такого злоупотребленія мужскими правами, которыя угрожаютъ жизни ея (ср. упомянутые выше законы римскихъ императоровъ о правѣ жалобъ рабовъ на господъ). Жена могла имѣть право собственности, но на туалетныя принадлежности, а не на болѣе важныя имущественныя объекты. Приобрѣтеніе обязательственныхъ правъ по отношенію къ мужу было невозможно, какъ и рабъ не можетъ имѣть правъ требованія по отношенію къ господину (впрочемъ, какъ извѣстно, и это начало, по римскому праву, было не безъ исключеній и смягченій). По отношенію къ третьимъ лицамъ жены въ правѣ не было видно изъ-за мужа (*coverture*). Вообще жены были не субъектами, а скорѣе объектами распредѣленія, власти, распоряженія и охраны мужа (*custody*). И вдругъ три мановенія законодательнаго жезла превращаютъ эту массу безправныхъ объектовъ обычнаго права (*common law*) въ полноправныхъ субъектовъ.

Предыдущія отрывочныя замѣчанія, конечно, не имѣли цѣлю и не могли дать не только полной картины роли закона въ исторіи римскаго и новаго гражданского права, но даже краткаго перечисленія наиболѣе выдающихся заслугъ этого „источника права“. Мы хотѣли только возбудить вниманіе и память читателя; если онъ заинтересуется возбужденнымъ здѣсь вопросомъ (что уже было бы ве-

ликимъ успѣхомъ для этихъ малыхъ набросковъ) и возстановитъ по этимъ намекамъ или независимо отъ нихъ въ своей памяти ходъ развитія римскаго или новыхъ гражданскихъ правъ, произведетъ хотя бы самый бѣглый умственный смотръ главнѣйшимъ гражданскимъ законамъ, то онъ легко убѣдится, что типичная функція закона въ области гражданского права—производство важныхъ реформъ въ управленіи болѣе справедливаго и уравнительнаго надѣленія гражданскими правами, въ частности заступничества за обиженныхъ и униженныхъ по обычному праву. Вспомнить случаи законодательнаго вмѣшательства въ развитіе гражданского права значить вспомнить главныя и существенныя шаги впередъ въ этой важной области права.

Особенно полного согласія и безусловнаго одобренія удостоился бы нашъ тезисъ, если бы историческую провѣрку его произвелъ не специалистъ-юристъ, а просто человекъ, въ юридическихъ тонкостяхъ, контроверзахъ и казуистикѣ толку не понимающій, но чувствующій и мыслящій „по человѣчески“ и не упускающій изъ виду дѣла изъ-за деревень. Такой историкъ, обозрѣвъ хотя бы по руководствамъ, написаннымъ юристами, напр., исторію римскаго права, былъ бы весьма удивленъ, если бы узналъ, что специалисты приписываютъ руководящую роль и заслугу въ развитіи римскаго права римской юриспруденціи, какъ таковой, что они постоянно толкуютъ о геніальномъ и неподражаемомъ правовомъ творествѣ римскихъ юристовъ, и отъ нашего умѣнія подражать этимъ неподражаемымъ образцамъ ставить въ зависимость успѣхъ праворазвитія. Онъ бы съ своей точки зрѣнія сказалъ, что существенныя шаги впередъ, во всякомъ случаѣ въ области распредѣленія благъ гражданского права, сдѣланы законодательствомъ, а юриспруденція, какъ таковая, въ этомъ съ человѣческой точки зрѣнія болѣе важнымъ дѣлѣ, нежели, напр., тонкія различія между коррелятивными и солидарными обязательствами, между разными видами *animus possidendi* и т. п., почти не повинна.

Еще больше удивился бы онъ въ томъ случаѣ, если бы узналъ, какія программы юристы нашего вѣка выработали на почвѣ изученія исторіи гражданского права для достиженія правительнаго дальнѣйшаго развитія права.

Великій Савиньи, глава исторической школы правовѣдѣнія и величайшій корифей романизма нашего столѣтія, ожидалъ всѣхъ благъ отъ предоставленія развитія права обычному праву.

Одновременно выставлено было и пропагандировалось другое мнѣніе, не воплію согласованное съ этимъ. Слѣдуетъ обратиться къ изученію исторіи и системы дѣйствующаго права для приготовленія къ великому и трудному дѣлу кодификаціи. Изучивъ исторически и си-

стематически (догматически) дѣйствующее римское и германское право, юриспруденція подготовить замѣну *Corpus juris* новымъ гражданскимъ уложеніемъ, причемъ Савиньи говоритъ объ этомъ уложеніи, подводящемъ итогъ изученію прошлаго и наличнаго, главнымъ образомъ римскаго права, какъ о чемъ-то новомъ и самостоятельномъ и притомъ національномъ и популярномъ¹⁾.

Другой корифей романизма, глава новѣйшей практической школы юриспруденціи, авторъ программы, смѣнившей программу Савиньи, Герингъ не думалъ о законодательствѣ даже въ такомъ скромномъ видѣ, а полагалъ, что въ юриспруденціи, какъ таковой, въ ея творческихъ толкованіяхъ, содержится могучая сила, движущая право впередъ по пути развитія. Онъ приписывалъ универсальное и постоянное значеніе римскому праву и методу римскихъ юристовъ. Надо отправиться въ школу римскихъ юристовъ, поучиться подражать ихъ творческимъ приемамъ и путемъ этихъ приемовъ, исходя изъ основъ римскаго права и толкуя источники такъ, чтобы изъ нихъ добывать (или въ нихъ влагать) практичныя отвѣты на новые запросы жизни, достигать требующихся новыхъ рѣшеній и улучшеній.

Проведенію на дѣлѣ этихъ программъ было посвящено не мало выдающихся ученыхъ силъ и труда, въ частности въ новое время продолжалось усердное изученіе римскаго права и происходила усердная обработка источниковъ для добыванія изъ нихъ практичныхъ рѣшеній. Были-ли этимъ достигнуты какіе-нибудь успѣхи по пути человѣчности, вообще прогресса гражданскаго права? Впрочемъ, какъ руководитель новой творческой школы, самъ Герингъ, такъ и большинство его послѣдователей мало думали о гуманности, а больше о практичной и крѣпкой защитѣ интересовъ собственниковъ, кредиторомъ и т. п. Здѣсь вѣялъ иной духъ, нежели духъ гуманнаго и посвященнаго разнымъ *miseri* законодательства. Но даже если оставить въ сторонѣ вопросъ объ уравнительности и гуманности гражданскаго права, и поставить новой школѣ въ creditъ праворазвитія всякія, какія бы то ни было, проявленія „творчества“, хотя бы ихъ правильнѣе было отнести не къ прибыли, а къ убыткамъ, и спросить, что было достигнуто „новою“ „творческою“ работою такого, что можно было бы сопоставлять съ успѣхами, достигавшимися законодательствомъ въ исторіи права, то отвѣтъ получается весьма не въ пользу надеждъ

и обѣщаній новой школы. Хотя обыкновенно главы и ближайшіе послѣдователи новыхъ учений, первые работники на новой, еще не исчерпанной почвѣ достигаютъ наиболѣе крупныхъ и блестящихъ результатовъ, оставляя позднѣе появившимся или присоединившимся работникамъ болѣе мелкіе и скромные остатки, тѣмъ не менѣе въ данномъ случаѣ даже и первые и наиболѣе талантливые приверженцы новаго ученія особаго quasi-законодательнаго творчества не проявили. О перерожденіи римскаго права путемъ практическо-догматической обработки на манеръ законодательной реформы смѣшно было бы и говорить. Оставалось въ дѣйствиіи и не думало перерождаться то же римское право безъ сколько-нибудь замѣтнаго измѣненія. На чемъ порѣшили древніи римскія комиціи, преторы, сенатъ или императоры, на томъ вообще стояли, не двигаясь съ мѣста, и представители „творческой“ и прогрессивной юриспруденціи, подчиняясь не только этимъ рѣшительнымъ и важнымъ рѣшеніямъ, но и мелкимъ и казуистическимъ толкованіямъ ихъ въ частностяхъ со стороны Гая, Ульпіана, Папиніана и болѣе мелкихъ древнихъ юристовъ. Поскольку же въ отдѣльныхъ мелкихъ, для невооруженнаго юридическимъ микроскопомъ глаза едва-ли замѣтныхъ, вопросахъ проявилась смѣлость нововведеній путемъ практичнаго толкованія, то всѣ такія нововведенія (считая положительными слагаемыми и отрицательныя величины) въ суммѣ едва-ли могутъ быть сравниваемы съ творческимъ результатомъ одной какой-либо законодательной сессіи новаго германскаго рейхстага, даже изъ неособенно выдающихся, или десятка засѣданій древней комиссіи децемвировъ или Трибоніана, или съ творческимъ результатомъ какого-либо одного изъ выдающихся законовъ въ исторіи гражданскаго права, даже если оставить въ сторонѣ, какъ совершенно несоизмѣримыя величины, такіе законодательные акты, какъ законы, отмѣнившіе крѣпостное право, замѣнившіе личную долговую *executio* имущественною, упомянутые англійскіе законы о женахъ и т. п. звѣзды первой величины.

Нашъ воображаемый обозрѣватель исторіи права не съ техническо-юридической, а просто съ человѣческой точки зрѣнія, сказалъ бы безъ колебанія и о программѣ новой практической и „творческой“ юриспруденціи и ея обѣщаніяхъ, что онѣ производятъ на него впечатлѣніе какаго-то страннаго недоразумѣнія.

Если бы мы, продолжая нашъ interview, спросили, что онъ бы съ своей точки зрѣнія — обозрѣвателя исторіи права съ точки зрѣнія не специалиста, съ точки зрѣнія простого здраваго смысла и дружбы къ страждущему человечеству — посоветалъ дѣлать специалистамъ для успѣшнаго руководства развитіемъ права, то онъ бы, конечно, далъ совѣтъ обратить свои взоры на законодательство, ждать и до-

¹⁾ Ср., напр., Savigny, Vom Beruf... § 9 въ концѣ: Wir werden dann ein eigenes, nationales Recht haben... Das römische Recht können wir dann der Geschichte übergeben, und wir werden nicht bloss eine schwache Nachahmung römischer Bildung, sondern eine ganz eigene und neue Bildung haben“, § 11: „dann wird manches treffliche möglich sein... unter anderen auch ein populäres Gesetzbuch“

бываться успѣховъ въ дѣлѣ развитія права не отъ обычнаго права въ тѣсномъ смыслѣ, но и не отъ хитроумныхъ толкованій и казуистики „права юристовъ“, хотя бы здѣсь воплощалась сама врожденная „практичность“, а отъ разумнаго, дѣльнаго и гуманнаго законодательства. Для этого надо приобрести уваженіе и авторитетный голосъ въ дѣлѣ указанія и выработки законодательныхъ реформъ, а во всякомъ случай подготовиться къ тому, чтобы на случаи вопросовъ со стороны представителей государственной законодательной политики имѣлись серьезно и истинно научно подготовленные отвѣты и указанія. Другими словами, требуется самостоятельная систематическая и методическая, вообще вполне научная разработка законодательныхъ вопросовъ, т. е. наука политики права.

Мы бы, конечно, съ радостью подписались подъ такимъ отвѣтомъ, подсказаннымъ обзорнѣмъ исторіи права и простымъ человѣческимъ здравымъ смысломъ, и развѣ въ качествѣ специалиста-юриста заступились бы за юриспруденцію въ тѣсномъ смыслѣ, которую нашъ собесѣдникъ, пожалуй, склоненъ былъ бы признать болѣе хитроумнымъ и непонятнымъ, чѣмъ полезнымъ занятіемъ.

Мы бы указали, что, конечно, если юриспруденціи приписывать ту задачу, которую ей приписываетъ новое „творческое теченіе“, то занятіе ею было бы непроизводительною тратою человѣческихъ силъ, и ее бы можно было упразднить безъ вреда для человѣческаго прогресса или даже съ пользою для сего дѣла въ виду привлеченія силъ къ разработкѣ науки политики права. Но дѣло въ томъ, что юриспруденція исполняетъ иную весьма важную общественную и культурную миссію и имѣетъ иную весьма важную и цѣнную задачу, хотя она сама никакъ не можетъ себѣ ея уяснить, и поэтому для оправданія своего существованія и кормленія со стороны общества и государства пускается въ разныя неудачныя догадки и разсужденія насчетъ своей миссіи. Задача эта состоитъ не въ отступленіи отъ дѣйствующаго права, хотя бы и въ весьма практичномъ направленіи, а напротивъ, въ принципиальномъ и неуклонномъ проведеніи наличнаго права, въ недопущеніи произвольныхъ отступленій отъ него для какихъ бы то ни было цѣлей и видовъ и въ устраненіи почвы и повода для произвола и усмотрѣнія путемъ находженія рѣшеній, основанныхъ на правѣ, даже въ тѣхъ безчисленныхъ и мелкихъ случаяхъ, предусмотрѣть и непосредственно рѣшить которые дѣло для законодательства и невозможно, и неподходящее. Поэтому и къ микроскопіи и казуистикѣ юриспруденціи, для неспециалиста лишенной цѣнности и непонятной, надо относиться съ уваженіемъ. Именно здѣсь, въ области вопросовъ, микроскопическихъ, по сравненію съ крупными положеніями и

рѣшеніями законовъ, коренится весьма важная задача догматики. Принципъ законности, дѣйствіе права осуществляется на дѣлѣ въ безчисленныхъ конкретныхъ случаяхъ, твердое и несомнѣнное, исключющее произвольное рѣшеніе коихъ въ кодексахъ непосредственно не сообщается.

Предоставляя заботу о дальнѣйшихъ добычахъ въ дѣлѣ прогресса права законодателю и его будущему специалисту-совѣтнику—наукѣ политики права, слѣдуетъ позаботиться о безпристрастномъ контролѣ и помощи въ дѣлѣ дѣйствительнаго и неуклоннаго осуществленія того, что уже добыто или будетъ добыто путемъ законодательныхъ хартій, дабы эти правовыя добычи составляли magna charta не въ бумажномъ только смыслѣ; а для сего надо не только сохранить, но и чтить и любить юриспруденцію, живой голосъ добытыхъ уже правъ чловѣка и гражданина и права вообще.

Л. Петражицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Статья 29 временныхъ правилъ о волостномъ судѣ и разъясненія министерства внутреннихъ дѣлъ.

Нѣкоторыми уѣздными земствами Полтавской губерніи возбужденъ вопросъ объ измѣненіи ст. 29 врем. прав. о вол. судѣ въ смыслѣ предоставленія лицамъ, осужденнымъ этимъ судомъ, права отбывать наказаніе въ томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ застанеть вступленіе приговора въ законную силу.

Какъ извѣстно, ст. 29 этихъ правилъ, между прочимъ, постановляетъ: „вступившее въ законную силу рѣшеніе приводится немедленно въ исполненіе по распоряженію и подъ наблюденіемъ волостного старшины“.

Изъ этихъ словъ закона министерство внутреннихъ дѣлъ вывело (циркуляръ 1892 года № 42), что, такъ какъ „компетенція старшины за предѣлы волости не распространяется“, то крестьяне для отбытія ареста или наказанія розгами „должны вызываться обратно въ оную“, а если сами добровольно не явятся, то „должны доставляться принудительно въ подлежащую волость мѣрами полиціи“, т. е. по этапу. По мнѣнію министерства, „исполненіе по приговору суда одной волости ареста или тѣлеснаго наказанія надъ виновными, пребывающими въ предѣлахъ другой волости, не можетъ не вызвать затрудненій“. Такимъ образомъ, подъ „подлежащею волостью“ министерство понимаетъ не волость мѣста жительства осужденнаго или его приписки, а волость, гдѣ состоялся приговоръ.

Такъ какъ, въ случаѣ обжалованія приговора (не только осужденнымъ, но и обвинителемъ), вступленіе приговора въ силу можетъ

быть отсрочено на многіе и многіе мѣсяцы, то на практикѣ весьма нерѣдки случаи, когда крестьяне оказываются вынужденными до вступленія приговора въ силу покинуть предѣлы волости, гдѣ судились. Необходимость покинуть эту волость можетъ вызываться не только личными интересами осужденнаго, но и прямымъ требованіемъ закона, напр., если крестьянинъ осужденъ во время отлучки изъ волости, куда приписанъ, и до вступленія приговора въ силу окончится срокъ паспорта, а новаго не вышлютъ.

Поэтому, пересылки крестьянъ изъ одной волости въ другую на практикѣ весьма часты. При этомъ бывали такіе случаи: крестьянинъ, приговоренный къ двухдневному аресту, ушелъ въ дальнюю губернію на заработки. Тамъ его застало вступленіе приговора въ силу. Крестьянина задержали, онъ отсидѣлъ въ мѣстномъ арестномъ домѣ около недѣли въ ожиданіи очереднаго этапа, провелъ въ слѣдованіи по этапу 12 дней и, наконецъ, отсидѣлъ свои два дня.

Черезъ нѣсколько лѣтъ несообразность такого порядка была признана министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, и оно, по соглашенію съ министерствомъ юстиціи, разъяснило (циркуляръ 1894 г. № 49), что въ соотвѣтствіи съ общимъ правиломъ, выраженнымъ въ ст. 968 уст. уг. суд. (изд. 1892 г.), „лицамъ, присуждаемымъ волостными судами къ аресту, въ срокъ этого наказанія должно засчитываться все время, проведенное ими подъ стражею, какъ до высылки, такъ и при препровожденіи ихъ по этапу въ подлежащую волость“⁴⁾.

Но и при такой поправкѣ установленный циркулярами министерства внутреннихъ дѣлъ порядокъ приводитъ къ самымъ страннымъ результатамъ. Крестьянинъ былъ на заработкахъ; тамъ его приговорили къ недѣльному аресту. До вступленія приговора въ силу крестьянинъ вернулся домой. Въ одинъ прекрасный день его арестуютъ и начинаютъ везти и гнать пѣшкомъ по этапу къ мѣсту сужденія. Срокъ истекаетъ въ пути, и на одной изъ станovýchъ квартиръ крестьянина отпускаютъ на волю. Зачѣмъ казна расходовалась на это путешествіе? Во имя чего оно предпринималось? Во имя чего крестьянинъ угонялся съ того мѣста, гдѣ жилъ, и оставленъ на произволъ судьбы въ какомъ-то случайномъ мѣстѣ? А наконецъ обратный путь; вѣдь и его слѣдовало бы принять во вниманіе.

Вообще по отношенію къ аресту существующій порядокъ только въ томъ случаѣ могъ бы считаться сколько-нибудь справедливымъ, если бы (въ особенности для крестьянина, живущаго трудомъ рукъ своихъ) тяжесть, положимъ, недѣльнаго ареста находилась въ какомъ

либо соотвѣтствіи съ тяжестью угона на недѣлю пути отъ мѣста, гдѣ человекъ жилъ. Между тѣмъ всякому ясно, что тяжесть одного взысканія рѣшительно несоизмѣрима съ тяжестью другого.

Для крестьянина, приговореннаго къ аресту, время препровожденія по этапу такъ или иначе засчитывается въ срокъ наказанія, но для человека, приговореннаго къ розгѣ и потомъ хотя бы по требованію закона выбывшаго изъ волости, препровожденіе по этапу, приравниваемое самимъ министерствомъ къ аресту, прибавляется къ наказанію. За что же это?

Поэтому нельзя не признать громаднаго практическаго значенія возбужденнаго полтавскими земствами вопроса.

Но, по нашему убѣжденію, чтобы прекратить подобную пересылку людей изъ конца Россіи въ конецъ за однимъ ударомъ розги, вовсе не требуется приводить въ движеніе нашъ сложный законодательный механизмъ, достаточно лишь не отступать отъ смысла дѣйствующихъ законовъ.

Необходимость возвращать для отбытія наказанія человека въ ту волость, гдѣ онъ судился, мотивируется министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, во-первыхъ, постановленіемъ ст. 29 врем. прав., во-вторыхъ тѣмъ, что городская полиція по самому роду наказаній, налагаемыхъ волостнымъ судомъ, некомпетентна приводить ихъ въ исполненіе, и въ третьихъ, неудобствами, съ которыми было бы сопряжено отбытіе наказанія внѣ той волости, гдѣ постановленъ приговоръ.

Что касается ст. 29 врем. прав., то необходимо прежде всего замѣтить, что законъ не предусматриваетъ того случая, чтобы лицо, осужденное волостнымъ судомъ, ко времени вступленія приговора въ законную силу оказалось внѣ той волости, въ которой этотъ приговоръ состоялся. На этотъ случай во временныхъ правилахъ не содержится никакихъ постановленій. Приведенныя выше слова ст. 29, что приговоръ приводится въ исполненіе по приказанію волостнаго старшины, какъ это несомнѣнно слѣдуетъ изъ всего контекста ст. 29, указываютъ лишь на тотъ органъ волостнаго управленія, который приводить въ исполненіе приговоры волостныхъ судовъ. Видѣть въ этихъ словахъ какое бы то ни было указаніе на мѣсто исполненія приговора значитъ видѣть въ нихъ нѣчто такое, чего законодатель въ виду не имѣлъ. Вообще случаи, когда законодатель, регулируя одинъ какой либо вопросъ, устанавливаетъ правило, изъ буквального смысла котораго можно извлечь отвѣтъ и на какой либо иной вопросъ, на практикѣ, конечно, возможны. Въ частности, если бы ст. 29 была редактирована, напр., такъ: „приговоръ волостнаго суда приводится въ исполненіе подъ наблюденіемъ волостнаго старшины, той волости, гдѣ приговоръ постановленъ“, то хотя бы законодатель и не имѣлъ

⁴⁾ См. аналогичное рѣшеніе Пр. Сената по уг. касс. д-ту за 1898 г. № 24 въ разосланномъ при предыдущемъ № листѣ.

въ виду указывать, гдѣ приговоръ долженъ быть исполненъ, вопросъ этотъ былъ бы категорически разрѣшенъ. Но въ дѣйствительности законъ не говоритъ, чтобы это былъ непременно мѣстный волостной старшина. Слѣдовательно, напр., если человекъ судился въ одной волости, но самъ живетъ въ другой и къ ней приписанъ, и если приговоръ будетъ приведенъ въ исполненіе по приказанію и подѣ наблюдениемъ волостного старшины этой послѣдней волости, то ст. 29 нарушена не будетъ.

Слѣдовательно, прямой смыслъ этой статьи не оправдываетъ необходимости приведенія приговора въ исполненіе непременно въ той волости, гдѣ приговоръ состоялся. Замѣтимъ при этомъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ вовсе не смотритъ на цитированныя выше слова ст. 29, какъ на такого рода постановленіе закона, которое исключаетъ возможность приведенія приговора волостного суда къмъ либо другимъ, кромѣ мѣстнаго волостного старшины. Упомянутымъ уже циркуляромъ 1892 г. № 42 министерство внутреннихъ дѣлъ разъяснило, что замѣчанія, выговоры и денежные взысканія, налагаемая волостнымъ судомъ, могутъ быть приводимы въ исполненіе и внѣ волости, хотя бы въ городахъ, мѣстною полиціею. Если такимъ образомъ, по мнѣнію этого циркуляра, ст. 29 не исключаетъ возможности приведенія приговора волостного суда и другими властями, то ссылка этого же циркуляра на ту же 29 ст., какъ на такое постановленіе закона, которое требуетъ обязательной высылки приговореннаго къ аресту или розгѣ въ мѣсто судимости, является несомнѣнною непослѣдовательностью.

Правда, въ этомъ же циркулярѣ указывается на другое соображеніе въ пользу необходимости высылки въ волость, а именно на то, что „наказаніе розгами... не входитъ въ компетенцію чиновъ городской полиціи“. Но и это соображеніе кажется намъ фактически невѣрнымъ. Согласно ст. 520 зак. о судопр. по дѣламъ о прест. и прост. (ср. п. 4 ст. 683 т. II ч. I), на обязанность городской полиціи прямо возложено приведеніе въ исполненіе приговоровъ о наказаніи розгами.

Наконецъ, въ циркулярахъ министерства внутреннихъ дѣлъ можно найти еще одинъ, третій доводъ: „исполненіе по приговору суда одной волости ареста или тѣлеснаго наказанія надъ виновными, пребывающими въ предѣлахъ другой волости, не можетъ не вызвать затрудненій“. Какія это затрудненія, циркуляръ въ этомъ мѣстѣ ничего не говоритъ, но нѣсколько выше, по поводу городовъ, указываетъ: „содержаніе сельскихъ обывателей подѣ арестомъ по приговорамъ волостныхъ судовъ вызвало бы вопросъ о надлежащихъ для сего помѣщеніяхъ и объ источникѣ, на который расходъ по содержанію такого рода арестуемыхъ могъ бы быть отнесенъ въ случаяхъ ихъ несостоя-

тельности“. Намъ кажется, что затрудняющій министерство внутреннихъ дѣлъ вопросъ и по отношенію къ приговорамъ волостныхъ судовъ можно бы вполне просто и ясно разрѣшить, примѣнительно къ тому, какъ тотъ же вопросъ уже разрѣшенъ по отношенію къ наказаніямъ, налагаемымъ другими судами: въ случаѣ несостоятельности наказываемаго, расходъ, вызываемый содержаніемъ его подѣ арестомъ, падаетъ на тотъ же источникъ, на который относится и содержаніе арестнаго помѣщенія, гдѣ осужденному по мѣсту его жительства слѣдуетъ отбыть наказаніе.

Такимъ образомъ необходимо признать, что въ дѣйствующихъ законахъ не содержится такихъ постановленій (по крайней мѣрѣ, въ упомянутыхъ циркулярахъ они не указаны), которыя требовали бы, чтобы вопросъ о мѣстѣ приведенія приговоровъ волостныхъ судовъ въ исполненіе, оставленный открытымъ врем. правилами о вол. судѣ, непременно разрѣшался въ томъ смыслѣ, что этимъ мѣстомъ является волость, гдѣ состоялся приговоръ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать, что практикуемый нынѣ способъ препровожденія крестьянъ въ волость на дѣлѣ является или прибавленіемъ къ аресту другого наказанія—высылки изъ мѣстѣ жительства, а къ тѣлесному наказанію даже двухъ другихъ—и высылки и лишенія свободы ¹⁾.

Ст. 25 общ. пол. крест. постановляетъ: „крестьяне не могутъ быть подвергаемы никакому наказанію иначе, какъ по судебному приговору, или по законному распоряженію постановленныхъ надъ ними правительственныхъ и общественныхъ властей“. Согласно же приведеннымъ нами соображеніямъ, пересылка крестьянъ въ волость не вызывается никакими требованіями закона. Слѣдовательно, постановленія о такой высылкѣ, отъ кого бы они ни исходили, не могутъ быть признаны законными.

А если это такъ, то для прекращенія столь обременительнаго для крестьянъ и, стало быть, по существу своему несправедливаго препровожденія ихъ въ волость требуется не законодательное измѣненіе ст. 29 врем. прав. вол. суд., а лишь отказъ министерства внутреннихъ дѣлъ отъ того толкованія этой статьи, которое установлено цитированными циркулярами, а главное точное соблюденіе ст. 25 общ. пол. крест.

Н. Лазаревскій.

Къ толкованію п. 2 ст. 582 уст. судопр. торговаго.

Въ „Правѣ“ была напечатана статья, посвященная вопросу о предметѣ иска, предъявляемаго креди-

¹⁾ Что такое лишеніе свободы есть именно наказаніе, видно изъ того, что оно засчитывается въ срокъ ареста.

торомъ къ конкурсному управленію по 602 ст. уст. суд. торг. ¹⁾ Настоящая замѣтка имѣетъ цѣлью разъясненіе другого вопроса, возбуждаемаго тою же статьею и противорѣчиво разрѣшаемаго судебной практикой, — вопроса о томъ, что должно почитаться основаніемъ такого иска и какъ должно въслѣдствіе этого распределяться бремя доказыванія между истцомъ и отвѣтчикомъ. Наиболѣе рѣзко этотъ вопросъ ставится относительно векселей, отнесенныхъ конкурсомъ на основаніи 2 п. 582 ст. уст. суд. торг. къ второму роду и предъявленныхъ въ порядкѣ исковомъ. Достаточно-ли въ такомъ случаѣ кредитор-истцу представить въ судѣ тѣ самые векселя, которые были уже на разсмотрѣніи конкурснаго управленія, для того, чтобы доказать свой искъ, — дѣло же послѣдняго доказывать ихъ безденежность?

Вопросъ этотъ разрѣшается утвердительно гражданскимъ кассационнымъ департаментомъ (рѣш. 1889 г. № 72), но, кажется, въ данномъ случаѣ заслуживаетъ предпочтенія, какъ болѣе согласное съ истиннымъ смысломъ закона, иное его рѣшеніе, даваемое въ цѣломъ рядѣ опредѣленій IV департамента и 2-го общаго собранія Сената ²⁾, и особенно обстоятельно обоснованное въ позднѣйшемъ опредѣленіи 2-го общ. собр. 1895 г. № 62 ³⁾.

Дѣйствительно, гражданскій кассационный департаментъ въ подкрѣпленіе своего взгляда ссылается на ст. 366 уст. гражд. суд., но очевидно, что эта статья, какъ законъ процессуальный, не рѣшаетъ вопроса о матеріальной природѣ иска кредитора къ конкурсу, а слѣдовательно и вопроса о томъ, что должно почитаться его основаніемъ, подлежащимъ доказыванію со стороны истца.

Безспорно, что основаніемъ обыкновеннаго вексельнаго иска, обращеннаго къ векселедержателю, является самый фактъ нахождения правильно составленнаго векселя въ рукахъ истца. Ему нѣтъ надобности указывать на какую-либо *causa debendi* и доказывать ея существованіе.

Но другое дѣло — искъ къ лицу несостоятельнаго. Здѣсь вексельный искъ теряетъ свою специфическую природу, свой абстрактный характеръ, а самый вексель свою независимость отъ того юридическаго отношенія, на почвѣ котораго онъ возникъ. Право кредитора на участіе въ раздѣлѣ конкурсной массы, какъ справедливо указывается въ приведенномъ рѣшеніи 2-го общаго собранія (1895 г. № 62), „вытекаетъ не изъ факта выдачи несостоятельнымъ должникомъ обязательства за свою подписью, а изъ факта поступленія къ должнику валюты по долговому обязательству“. Не воля должника, а обогащеніе его на счетъ кредитора даетъ послѣднему такое право. Это положеніе устанавливается ст. 581 и 582 уст. суд. торг., которыя, вопреки уг-

верженію гражданскаго кассационнаго департамента, не только опредѣляютъ порядокъ дѣятельности конкурснаго управленія, но и содержатъ постановленія матеріальныя, равно обязательныя какъ для конкурснаго управленія, такъ и для суда, разсматривающаго дѣло въ порядкѣ исковомъ. Вообще несостоятельность не только вызываетъ измѣненіе порядка разсмотрѣнія долговъ, но и измѣняетъ матеріальныя отношенія, существовавшія между несостоятельнымъ и его кредиторами. Такъ, напримѣръ, она создаетъ возможность взысканія по обязательствамъ, коимъ сроки еще не наступили (ст. 505 уст. суд. торг.), измѣняется значеніе нарушенія формъ, установленныхъ закономъ для написанія и предъявленія обязательствъ (п. 2 и 4 ст. 603) и пр. Также точно измѣняется и значеніе вексельнаго обязательства, и кредиторъ, предъявившій къ конкурсу искъ на основаніи ст. 602, не можетъ ограничиться представленіемъ векселя, а обязанъ кромѣ того „подтвердить его валютность другими достаточными доказательствами“ (рѣш. 2-го общ. собр. 1895 г. № 62).

Иное толкованіе закона, принимаемое гражданскимъ кассационнымъ департаментомъ, ведетъ къ созданію для кредиторовъ, заявившихъ претензіи по документамъ наиболѣе сомнительнымъ, особо привилегированнаго положенія. Конкурсное управленіе не можетъ уклониться, въ виду категорическаго характера ст. 582, отъ отнесенія ихъ претензій ко второму роду долговъ, хотя бы у него въ рукахъ и не было доказательствъ, достаточныхъ для успѣшнаго проведенія возраженія о безденежности въ обыкновенномъ вексельномъ процессѣ. Если далѣе признавать, что истецъ не обязанъ доказывать валютность векселя, то оказалось бы, что отнесеніе претензій ко второму роду должно почти всегда вести за собой удовлетвореніе соответствующаго иска судомъ и присужденіе съ конкурснаго управленія судебныхъ издержекъ, значительно увеличивающихъ долю участія сомнительнаго кредитора въ раздѣлѣ конкурсной массы. Подобной цѣли не могъ преслѣдовать законодатель при созданіи ст. 582.

Л. Тауберъ.

Новыя данныя изъ области криминалистики.

(Переводъ съ рукописи).

(Продолженіе *).

20) Микроскопическія изслѣдованія пятенъ и т. п. Во многихъ случаяхъ можетъ оказаться несомнѣнно полезнымъ, если вмѣсто экспертизы химической, которая требуетъ много времени и стоитъ довольно дорого, будетъ произведено микроскопическое изслѣдованіе, хотя бы для того, чтобы сразу можно было нѣсколько ориентироваться въ имѣющемся матеріалѣ. Микроскопическое изслѣдованіе стоитъ дешево и можетъ быть исполнено очень быстро. Такъ напр. по дѣлу объ изнасилованіи возникла необходимость въ немедлен-

¹⁾ М. М. Винаверъ — „Иски къ конкурсу о безспорности претензій“. „Право“ № 3.

²⁾ IV деп. 1880 г. №№ 382 и 583, 1881 г. №№ 351, 421 и др. 2-го общ. собр. 1885 г. № 26, 1888 г. № 88 и др. См. Носенко — Уставъ о несостоятельности, 1894 г., стр. 161.

³⁾ Гребнеръ — „Практика IV департамента и 2 общаго собранія Правительствующаго Сената“. 1896 г., стр. 251—254.

* См. № 4 „Право“, стр. 179.

номъ разрѣшеніи вопроса, происходятъ ли пятна, найденныя на одеждѣ, отъ sperm'ы (человѣческаго сѣмени). Изслѣдованіе путемъ микроскопа показало быстро и убѣдительно, что эти пятна происходятъ отъ переплетнаго клея. Поэтому я думаю, что микроскопическое изслѣдованіе, въ качествѣ предварительной экспертизы, имѣетъ значеніе во многихъ случаяхъ.

21) Почеркъ заикъ и идиотовъ. Всѣмъ и каждому давно извѣстно, что анонимныя писанія (бранныя письма, угрозы, оскорбленія величества, ложные доносы, клеветы и т. д.) исходятъ обыкновенно отъ людей слабыхъ, боязливыхъ, часто подвергающихся насмѣшкамъ и потому запуганныхъ, между прочимъ идиотовъ и заикъ.

Въ XVI и XVII томѣ психіатріи D-r Berkham'a указано, что заики и косноязычные при писаніи страдаютъ тѣмъ же порокомъ, какъ и въ рѣчи. Если заика говоритъ: „я завтра бу... бу... буду у васъ“, то весьма нерѣдко въ его письмахъ можно будетъ найти передъ словами, произнесеніе которыхъ его затрудняетъ (въ данномъ примѣрѣ между словами „завтра“ и „буду“), какія то бессмысленныя каракули.

Равнымъ образомъ и идиотъ пишетъ такъ же, какъ говоритъ, т. е. пропуская извѣстныя буквы и слова, напримѣръ: „касный актъ“ (вмѣсто: красный ракъ). Поэтому если въ упомянутомъ документѣ будутъ найдены такія каракули или ошибки, то слѣдователь можетъ быть убѣжденъ, что въ первомъ случаѣ виновнаго надо искать среди заикъ, а во второмъ среди идиотовъ. Во всякомъ случаѣ съ установленіемъ этого обстоятельства розыскъ будетъ сильно облегченъ.

22. Форма буквъ при медленномъ и быстромъ писаніи. Въ первыхъ двухъ изданіяхъ моего руководства я указалъ, что почеркъ человѣка, пишущаго быстро, становится болѣе крупнымъ и что буквы въ углахъ сильно округляются.

Такую мысль я высказалъ лишь на основаніи собственнаго убѣжденія, полученнаго послѣ цѣлаго ряда опытовъ. Въ настоящее время гг. А. Binet и J. Courtier тщательно изслѣдовали этотъ вопросъ при помощи электрическаго пера Эдиссона и пришли къ тому же заключенію.

23. Скрытыя красныя пятна. (Слѣды насилія). Вопросъ объ этихъ пятнахъ начинается пріобрѣтаетъ значеніе. Въ книгѣ моей я исходилъ изъ того факта, что однажды на фотографической карточкѣ были усмотрѣны на лицѣ снимавшейся особы какія-то пятна, которыхъ въ дѣйствительности не было. Вскорѣ это своеобразное явленіе объяснилось очень просто: спустя нѣсколько дней эта особа заболѣла оспой. Когда производился снимокъ, слѣды оспы не были видны для простаго глаза, но

вполнѣ ясно отразились на фотографической пластинкѣ, которая крайне чувствительно реагируетъ на красный цвѣтъ. Изъ этого я заключилъ, что путемъ фотографіи можно обнаружить незначительныя кровоподтеки, вызванныя слабыми толчками, ударами, царапаніемъ и т. п. Такое примѣненіе фотографіи было бы несомнѣнно очень важно, ибо можно было бы констатировать наличность самыхъ ничтожныхъ поврежденій, происшедшихъ во время борьбы. Эти поврежденія могли бы оказаться на рукахъ и шеѣ потерпѣвшаго и обвиняемаго.

Въ настоящее время я могу сообщить еще одинъ интересный фактъ, способный послужить къ разрѣшенію этого вопроса. У студентовъ, входящихъ въ составъ корпораціи, нерѣдко можно найти фотографіи ихъ товарищей, лица которыхъ совершенно покрыты ранами. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ на лицѣ этихъ студентовъ такихъ поврежденій не замѣчается. Это явленіе объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что на фотографіи отразились слѣды т. н. плоскихъ ударовъ, которые были нанесены не лезвіемъ, а плоской стороной рапиры. Эти удары, не нарушая цѣлости кожи, вызвали ничтожный кровоподтекъ, который незамѣтенъ для глаза, но очень отчетливо выходитъ на фотографіи.

24. Волшебный фонарь. Я не могу не рекомендовать весьма настойчиво пользованія волшебнымъ фонаремъ для цѣлей криминалистики. Имъ можно пользоваться для демонстраціи прозрачныхъ фотографій, рисунковъ, эскизовъ, плановъ, подложныхъ документовъ, микроскопическихъ препаратовъ. Польза, приносимая волшебнымъ фонаремъ, состоитъ въ томъ, что одинъ объектъ сразу предъявляется и объясняется масѣ лицъ; кромѣ того устраняется опасность поврежденія вещественнаго доказательства, что всегда возможно, если объектъ переходитъ изъ рукъ въ руки. Наконецъ, увеличеніе изображенія облегчаетъ эксперту представленіе объясненій, а слушателямъ разсмотрѣніе изслѣдуемаго предмета во всѣхъ подробностяхъ.

Вообще же надо сказать, что волшебнымъ фонаремъ слѣдуетъ пользоваться главнымъ образомъ въ слѣдующихъ трехъ случаяхъ:

а) При судебномъ слѣдствіи всѣ изображенія должны быть проявлены на большомъ бѣломъ экранѣ, чтобы всѣ судьи, стороны и присяжные могли сразу его видѣть, а предсѣдатель или экспертъ съ палочкой въ рукахъ давать необходимыя объясненія. Успѣхъ, получаемый такимъ путемъ, поразительно сильный, и я убѣжденъ, что въ скоромъ времени намъ станетъ непонятнымъ, какъ можно было провести засѣданіе по сложному дѣлу безъ волшебнаго фонаря.

б) Для личной работы. Если слѣдователь или предсѣдатель желаетъ тщательно изучить

какой-либо небольшой предмет, напр., подчистку къ документъ, фотографію, микроскопическій препарат и т. д., подобный фонарь незамѣнимъ. Можно спокойно уѣсться передъ экраномъ, разсматривая и изучая громадное изображение въ полномъ спокойствіи; при такихъ условіяхъ увидишь многое, что могло бы ускользнуть отъ вниманія.

в) *На лекціяхъ.* Лекціи по криминалистикѣ прямо немислимы безъ волшебнаго фонаря. Необходимо предъявить и объяснить слушателямъ рисунки, фотографіи, планы и т. д., иначе лекція теряетъ свое значеніе. Объясняя же каждому слушателю эти вещи въ отдѣльности, лекторъ теряетъ массу времени. Напротивъ, если объясненія сопровождаются туманными картинами, то объясненія идутъ непрерывно и каждый изъ слушателей видитъ и слышитъ все, что сообщаетъ докладчикъ.

Въ настоящее время эти фонари стоятъ недорого, а если бы правительство рѣшилось приобрести ихъ въ значительномъ количествѣ для нуждъ судебныхъ, то покупка, вѣроятно, обошлась бы очень дешево.

D-r Hans Gros.

(Продолженіе въ слѣд. №).

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

С.-Петербургская судебная палата.

Искъ о возстановленіи въ правахъ члена общества.

Существующее въ Петербургѣ „общество врачей-любителей физическихъ упражненій“ на общемъ собраніи 30 апрѣля 1897 года постановило: исключить надворнаго совѣтника Лаура, врача-гомеопата, изъ числа членовъ общества. Находя это постановленіе неправильнымъ, противнымъ уставу и нарушающимъ его права, врачъ Лауръ предъявилъ въ С.-Петербургскомъ окр. судѣ искъ къ обществу о признаніи означеннаго постановленія общаго собранія недѣйствительнымъ и о возстановленіи его въ правахъ члена „Общества врачей-любителей физическихъ упражненій“.

Окружный судъ, по V отдѣленію, нашелъ, что въ дѣйствующемъ уставѣ общества никакихъ ограниченій права врачей-гомеопатовъ не заключается и членами его могутъ быть всѣ врачи безъ исключенія; что въ уставѣ нѣтъ указанія на то, чтобы общему собранію принадлежало право безъ законныхъ основаній, произвольно, исключать изъ своей среды тѣхъ или иныхъ членовъ, почему-либо несправедливыхъ обществу; что по закону гомеопатическое леченіе принадлежитъ къ числу дозволенныхъ способовъ врачеванія и, слѣдовательно, принадлежность къ числу гомеопатовъ не представляетъ дѣяніемъ противнымъ правиламъ чести, и, наконецъ, что постановленіе очереднаго собранія членовъ общества 8 ноября 1896 года о томъ, что въ члены общества не могутъ быть принимаемы врачи-гомеопаты имѣетъ значеніе измѣненія или дополненія дѣйствующаго устава и можетъ воспріять силу и обязательное значеніе не иначе, какъ по полученіи утвержденія въ установленномъ порядкѣ, чего въ данномъ случаѣ не было. Въ виду всего этого, окружный судъ призналъ постановленіе общаго собранія отъ 30 апрѣля 1897 года

объ исключеніи истца Лаура, какъ противорѣчащее уставу, незаконнымъ и недѣйствительнымъ.

Въ апелляціонной жалобѣ, принесенной на это рѣшеніе, повѣренный „общества врачей-любителей физическихъ упражненій“, прис. пов. Н. Е. Шулепниковъ, доказываетъ, что уставъ общества, предоставляя, въ § 21, общему собранію право исключенія своего сочлена, въ то же время не содержитъ указанія основаній, по которымъ можетъ послѣдовать такое исключеніе. Изъ этого обстоятельства можно сдѣлать только одинъ выводъ, что данный уставъ предоставляетъ общему собранію дискреціонное право въ этомъ отношеніи, справедливо полагая, что достаточной гарантіею для отдѣльныхъ членовъ противъ злоупотребленій большинства является требованіе о томъ, чтобы за исключеніе высказалось не менѣе $\frac{2}{3}$ голосовъ, присутствующихъ на собраніи. Изъ этого слѣдуетъ, что при соблюденіи правленіемъ общества и общимъ собраніемъ всѣхъ предписанныхъ уставомъ формальностей относительно созыва общаго собранія и порядка разсмотрѣнія и разрѣшенія на немъ вопроса объ исключеніи какого-либо члена, судъ лишенъ права входить въ разсмотрѣніе существа состоявшагося постановленія общаго собранія. А такъ какъ въ настоящемъ дѣлѣ истецъ не указываетъ никакихъ формальныхъ нарушеній, допущенныхъ при возбужденіи и разрѣшеніи вопроса объ его исключеніи, то окружный судъ и не имѣлъ права отмѣнять постановленіе общаго собранія 30 апрѣля 1897 г. объ исключеніи врача Лаура.

„Общество врачей-любителей физическихъ упражненій“ имѣетъ цѣлю „сближеніе товарищей-врачей между собою и собраніе матеріала для *научнаго* рѣшенія вопроса о пользѣ и вредѣ физическихъ упражненій вообще и велосипедной ѣзды въ особенности“ (сообразно съ этимъ, членами этого общества могутъ быть только врачи). Но такъ какъ всякая профессія имѣетъ свои правила и понятія о чести, то, конечно, нарушеніе какимъ-либо лицомъ такихъ специальныхъ правилъ о чести и нравственности можетъ дѣлать нежелательнымъ и невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе его въ средѣ товарищей. Поэтому слѣдуетъ придти къ выводу, что уставъ „общества врачей-любителей физическихъ упражненій“ не по недомотру, а намѣренно не упоминаетъ о поводахъ къ исключенію изъ числа членовъ, предоставляя разрѣшеніе этого вопроса въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ усмотрѣнію общаго собранія.

Такой вопросъ о профессиональной этикѣ и возникъ на очередномъ общемъ собраніи 8 ноября 1896 г., когда стало извѣстнымъ, что г. Лауръ открыто признаетъ себя послѣдователемъ гомеопатіи. Разрѣшая его, собраніе признало, что врачи-гомеопаты не могутъ быть членами общества. Это не есть измѣненіе или дополненіе устава, а только толкованіе его въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимало его собраніе, состоявшее исключительно изъ врачей, послѣдователей господствующей медицинской школы (аллопатовъ). Въ рѣшеніи своемъ судъ говоритъ, что гомеопатія и гомеопатическій способъ леченія дозволены закономъ и что поэтому леченіе по гомеопатическому способу не можетъ считаться противнымъ общепризнаннымъ правиламъ чести и нравственности, почему и принадлежность истца Лаура къ врачамъ-гомеопатамъ не давала, по мнѣнію суда, общему собранію права исключить его изъ числа членовъ общества. Съ такимъ взглядомъ согласиться нельзя. Правительство, дѣйствительно, въ 1833 году, въ пору наибольшаго увлеченія нашего общества гомеопатіею, признало необходимымъ, при соблюденіи особыхъ мѣръ предосторожности, разрѣшить исключительно врачамъ леченіе по гомеопатическому способу; но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду того замѣчательнаго факта, что правительство до сего времени не признало нужнымъ и возможнымъ учредить въ высшихъ меди-

динских учебных заведений кафедры гомеопатии для приготовления врачей-гомеопатов, признавая, очевидно, что гомеопатия ничего общего с рациональной медициной не имеет. Если к тому же принять во внимание, что и высшее учреждение по врачебному управлению—медицинский совет—всегда отрицательно относился к гомеопатии, то спрашивается, какой взгляд на гомеопатию и ее последователей может существовать у представителей господствующей медицинской школы с чисто специальной, профессиональной точки зрения? Естественно, что они могут смотреть на гомеопатию лишь как на зло, только терпимое правительством, и на ее последователей, лишь как на лиц, оторвавшихся от тех научных истин и правильных приемов лечения, какие были им преподааны в учебном заведении, присвоившем им звание врача. Понятно поэтому, что с своей профессиональной, специальной точки зрения, они не могут считать их товарищами, ничего общего с ними иметь не желают и совместное с ними обсуждение научных медицинских вопросов для них невыносимо. По всем этим данным прис. пов. Щулепников просит об отмене решения суда.

Дело слушалось в заседании 1 департамента Спб. судебной палаты 6 апреля.

В устных объяснениях присяжный повременный Щулепников остановился на выяснении роли и значения общества, подобных тому, о котором идет речь в настоящем деле. Составляя своеобразный вид товарищества, не подходящий ни под одну из категорий товариществ, известных гражданскому закону („товарищество полное, на вере, на паях или по участкам“), общественные собрания и клубы нормируются в своей жизни не началами гражданского, а исключительно публичного права и специальным законом—уставом данного общества. Провозгласив в известном решении по делу Треймана право исключения из общественного собрания члена на судебную охрану своих интересов в гражданском порядке, на иск о восстановлении в правах члена того или другого общества,—Правительствующий Сенат вовсе не имел в виду установить право вмешательства суда во внутреннюю жизнь общественных собраний,—что в корень убило бы принцип общности,—а исключительно—гарантировать, чтобы исключение члена общества не сопровождалось нарушением формальных условий, предписанных уставом. Только в таком ограничительном смысле и должно быть примыняемо решение Сената. Раз при исключении члена из общества формы, предписываемые уставом, не нарушены, суд не может входить в обсуждение вопроса по существу и оценивать правильность мотивов, по которым исключение состоялось. В настоящем случае нарушение форм не было,—на это не жалуется сам истец,—и следовательно, врачу Лауру в иск должно было быть отказано. Прочитывая затем выдержки из отзывать знаменитых представителей господствующей медицинской школы (аллопатической) о сущности гомеопатии, прис. пов. Щулепников указал, какая бездна существует между этими двумя лагерями в виду чего, с точки зрения сословной этики,—правильно или нет, это другой вопрос,—общение между ними, пребывание в тесном товарищеском кругу невыносимо.

Повременный врач Лаура, прис. пов. Ф. И. Осецкий, объяснил, что согласно известному разъяснению Сената (на которое сдана была ссылка в исковом прошении) принадлежность к известному обществу сопряжена для его члена с известными обязанностями, а с другой стороны, такая принадлежность порождает известные гражданские права не только имущественные, но и личные: право носить звание члена общества, присвоенное ему знаком,

пользоваться в иных случаях его покровительством и защитой.

„Поэтому соглашение, с одной стороны, общества на принятие известного лица в качестве члена и с другой—соглашение данного лица нести известные обязанности является, по мнению Сената, гражданским *договором*, подлежащим на основании ст. 1528 и след. X т. 1 ч.

Договор этот является договором двусторонним, и прекращается только способом, законом установленным, т. е. по обоюдному согласию сторон (ст. 1545), вследствие неисполнения одною из сторон принятых на себя обязанностей, напр. неплатежа членского взноса (что называется выбытием из общества); эта причина выбытия из состава общества и указана в примечании 2-м к парагр. 14 устава. Затем, договор этот прекращается за силою ст. 1553 X т. 1 ч., вследствие лишения по суду всех прав состояния и, кроме того, вследствие таких деланий, которые считаются несомнительными с честью и достоинством.

Постому почти во всех *уставах* спортивных обществ точно указаны те причины, при наличии которых данное лицо может быть исключено из состава общества. Из многочисленных, представленных мною к делу уставов судебная палата изволила усмотреть, что причина исключения из состава формулируется таким образом: „вследствие совершения проступков против правил устава или законов чести и приличия“.

В уставе общества врачей-любителей физических упражнений причина исключения из состава общества не указана, следовательно, если происходит столкновение (коллизия) между убеждениями члена общества и большинством общего собрания, и если общее собрание постановит такое решение, которое нарушает в болѣе или менѣе тяжелой степени права отдельного члена, то этот спор есть *спор* о правѣ гражданском, и спор этот, как таковой, подлежит разрешению суда.

Отвѣтчик защищается тѣм, что онъ именуется *формальным* основаніемъ. Онъ говоритъ: всѣ вопросы рѣшаются большинствомъ 2/3 голосовъ; разъ врачъ Лауръ исключенъ такимъ большинствомъ, то въ силу этого постановление общего собрания законно.

Только тѣ дѣйствія общества законны, которыя совмѣщаютъ въ себѣ три элемента: 1) не противорѣчатъ общимъ законамъ, 2) постановлены съ соблюденіемъ установленныхъ для сего формальностей и 3) не противорѣчатъ уставу.

Въ парагр. 1 устава сказано: „общество имѣетъ цѣлью сближеніе товарищей-врачей между собою и собраніе матеріала для научнаго рѣшенія вопроса о пользѣ и вредѣ физическихъ упражненій“.

Исключеніе одного изъ своихъ членовъ только за то, что онъ высказываетъ другія научныя мнѣнія, чѣмъ тѣ, которыхъ придерживается большинство, составляетъ нарушеніе перваго параграфа, потому что подобное исключеніе препятствуетъ сближенію врачей и не допускаетъ обмена мыслей.

Отвѣтчикъ утверждаетъ, что принадлежность къ школь гомеопатовъ есть нарушеніе понятій о профессиональной чести, профессиональной этикѣ, что гомеопатія есть зло, только терпимое закономъ, и въ подтвержденіе всѣхъ этихъ выводовъ представилъ удостовѣреніе медицинской академіи въ томъ, что до сихъ поръ тамъ гомеопатія не преподавалась.

Но въ каждомъ университетѣ съ медицинскимъ факультетомъ и въ каждой академіи, въ томъ числѣ и военно-медицинской, преподается такъ называемая исторія медицины. Къ историческимъ медицинскимъ фактамъ принадлежит гомеопатія, точно также, какъ и месмеризмъ, какъ водолечебніе, какъ аллопатія и пр. Поэтому гомеопатія преподается, можетъ быть, нѣсколько односторонне, можетъ быть неполно, навѣрное не въ качествѣ господствующаго медицинскаго ученія, но она преподается въ акаде-

ми и, съ этой точки зрѣнія, прежде всего удостовѣреніе неточно.

Но оно и необудительно. То, что гомеопатія не преподается нынѣ въ видѣ особой кафедры, что въ академіи нѣтъ гомеопатической клиники, еще не разрѣшаетъ вопроса. Отвѣтчикъ утверждаетъ, что она не преподается ни въ одномъ изъ университетовъ. У насъ пока нѣтъ, но за границей да. Въ Пештѣ уже въ теченіе 20 лѣтъ существуетъ не одна, а четыре кафедры гомеопатіи и гомеопатическая университетская клиника. Въ Вюртембергѣ, въ Тюбингенскомъ университетѣ съ 1888 года по распоряженію правительства требуется отъ врача, оканчивающаго курсъ наукъ, знаніе гомеопатіи. Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ существуетъ 8 національныхъ (т. е. общеамериканскихъ) гомеопатическихъ обществъ, въ главныхъ городахъ Штатовъ существуетъ 33, въ прочихъ городахъ такихъ же обществъ 86. Тамъ же учреждено 20 гомеопатическихъ колледжей, т. е. университетовъ, съ правомъ выдачи ученыхъ дипломовъ. Ежегодный выпускъ студентовъ достигаетъ 2,500 человекъ. Общее число врачей-гомеопатовъ въ одной Америкѣ достигаетъ 14,000 человекъ.

Отвѣтчикъ утверждаетъ, что принадлежность къ этой школѣ противорѣчить понятіямъ о профессиональной чести.

Насъ мало интересуетъ вопросъ, которая изъ двухъ школъ права, аллопатическая или гомеопатическая. Мы разсматриваемъ вопросъ съ юридической стороны дѣла, — тотъ вопросъ: принадлежность къ иной школѣ, нежели господствующая, составляетъ ли дѣяніе, противорѣчащее этикѣ и понятіямъ о чести? И мнѣ думается, что такое мнѣніе основано на заблужденіи. Исторія человеческой мысли есть вмѣстѣ съ тѣмъ исторія и ея заблужденій. Когда Гарвей открылъ кровообращеніе и сталъ свое открытіе доводить до всеобщаго свѣдѣнія, присяжные медики господствующей тогда школы нашли его открытіе позорнымъ, и только благодаря заступничеству въ Англіи Карла I и во Франціи могущественнаго Людовика XIV ему, Гарвею, удалось остаться въ корпораціи, которая его ненавидѣла и презирала.

Когда въ 1646 году были открыты цѣлебныя свойства *хинина*, то, вслѣдствіе единодушнаго протеста тогдашнихъ ученыхъ врачей, парламентскимъ актомъ употребленіе его было формально запрещено и Оливеру Кромвеллю предпочли дать скорѣе умереть, чѣмъ спасти его приемами *хинина*.

Когда были открыты цѣлебныя свойства *водолеченія*, Парижская академія въ 1840 году объявила его безусловно вреднымъ и противорѣчащимъ веѣмъ началамъ медицины.

Когда были открыты анестезирующія свойства *хлороформа*, вслѣдствіе которыхъ сотни тысячъ людей должны были избавиться отъ невыносимыхъ страданій, присяжные медики господствующей школы рѣшили, что анестезія вредна потому, что боль полезна, какъ реакція организма противъ болѣзни, и что уничтоженіе боли вызоветъ самыя пагубныя послѣдствія для человеческого организма.

Поэтому нынѣ рано еще произносить приговоръ и приводить его въ исполненіе безъ санкции науки и не дожидаясь того, что скажетъ исторія.

Свои объясненія прис. дов. Осецкій закончилъ слѣдующими словами: „вскорѣ судебная палата выскажетъ свое авторитетное мнѣніе и рѣшитъ вопросъ не о преимуществѣхъ той или иной школы, а о неприкосновенности и гражданскихъ правахъ человеческой мысли. Судебная палата разъяснитъ намъ истинный смыслъ и значеніе приведенныхъ законовъ. Вправѣ ли врачъ отступать отъ мнѣній болѣшинства; что для него болѣе обязательно: предубѣжденія и рутинна или же законъ? Можетъ ли врачъ дѣйствовать въ предѣлахъ и средствами, разрѣшенными закономъ, или же такая дѣятельность должна влечь для него со стороны его ученыхъ коллегъ те-

перь, какъ и четыре столѣтія тому назадъ, лишеніе чести и гоненіе?“

Судебная палата, послѣ непродолжительнаго совѣщанія, опредѣлила: рѣшеніе С.-Петербургскаго окружнаго суда отмѣнить и въ искѣ врачу Лауру отказать.

С.-Петербургскій окружный судъ.

Клещета съ печати.

20 января 1897 г. въ официальной газетѣ „Забайкальскія Областныя Вѣдомости“, издающейся въ г. Читѣ, въ отдѣлѣ „объявленія объ уничтоженіи довѣренности“, появилось слѣдующее характерное объявленіе: „1897 г. декабря 13 дня, Забайкальской области, Верхнеудинскаго округа вѣдомства Хоринской степной думы, — родоначальники, общественные довѣренные и почетные родичи Хоринскихъ бурятъ на полномъ сугланѣ имѣли сужденіе о слѣдующемъ: „по разнымъ нашимъ жизненнымъ вопросамъ мы нерѣдко обращались за совѣтами и содѣйствіемъ къ сорочичу нашему Петру Александровичу Бадмаеву, который убѣждалъ насъ, что много трудится въ нашу пользу, что только онъ одинъ можетъ принести намъ, бурятамъ, дѣйствительную пользу и что всякія другія лица, какъ люди темные и сомнительные, могутъ вовлечь насъ только въ заблужденіе.“

„Въ послѣднее время, когда онъ поселился въ Читѣ и называлъ себя лицомъ, пользующимся особеннымъ, исключительнымъ довѣріемъ высшаго правительства, то, общаясь всячески намъ помогать, требовалъ, чтобы мы по своимъ дѣламъ обращались только къ нему. Вслѣдъ за симъ мѣстная администрація циркулярно предписала намъ относиться къ Бадмаеву съ полнымъ довѣріемъ и оказывать ему всякое содѣйствіе въ разныхъ его предпріятіяхъ.“

„Вслѣдствіе этого мы сочли не только нужнымъ, но даже и необходимымъ относиться къ нему съ еще большимъ довѣріемъ и обращаться по разнымъ нашимъ дѣламъ къ нему. Такъ и поступали со времени пріѣзда его въ Забайкалье и до конца 1896 г. Когда же мы съ начала сего 1897 года стали подозрѣвать Бадмаева въ недобросовѣстности и теперь подробно обсудили всѣ поступки и дѣйствія его по отношенію къ намъ, то убѣдились, что г. Бадмаевъ никакой пользы намъ не принесъ и даже не намѣревался въ сущности принести намъ таковой, преслѣдуя свои личныя цѣли, въ чемъ мы убѣдились изъ результатовъ нѣкоторыхъ его дѣйствій. Такимъ образомъ оказывается, что онъ только обманывалъ и вводилъ насъ въ заблужденіе, что, конечно, не могло не отразиться неблагоприятно на нашемъ обществѣ.“

„Въ виду этого мы единогласно пришли къ тому заключенію, что намъ непременно нужно совершенно отрѣшиться отъ Бадмаева, а потому постановляемъ: ходатайствовать, чтобы всѣ правительственныя учрежденія и должностныя лица Россійской Имперіи всѣ бумаги, письма, телеграммы, данныя или посланныя нами Бадмаеву, какъ цѣлымъ обществомъ, такъ и въ лицѣ нѣсколькихъ лицъ, по разнымъ нашимъ дѣламъ, считали бы не имѣющими съ настоящаго времени никакой законной силы, такъ какъ мы, буряты, къ нему, Бадмаеву, не можемъ имѣть никакого довѣрія послѣ всего того, что онъ сдѣлалъ по отношенію къ намъ, въ томъ и подписуемъ.“

Такой же приговоръ былъ составленъ въ Ачинской степной думѣ, отъ имени родоначальниковъ и почетныхъ инородцевъ, съ участіемъ ламъ Ачинскаго и Цугальскаго даценовъ, и пропечатанъ въ тѣхъ же „Забайкальскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ.“

Г. Бадмаевъ разъяснилъ въ „Новомъ Времени“,

что приговоры эти являются дѣломъ рукъ нѣсколькихъ враждебно настроенныхъ противъ него родоначальниковъ и довѣренныхъ по общественнымъ дѣламъ, и что народъ, конечно, не потерялъ довѣрія къ нему. Это письмо г. Бадмаева вызвало появленіе новаго объявленія той же Ачинской степной думы, въ которомъ, между прочимъ, говорится: „нынѣ мы прочитали письмо г. Бадмаева въ № 7839 газеты „Новое Время“, въ которомъ онъ, между прочимъ, утверждалъ, что постановленный нами 17 минувшаго декабря приговоръ, будто бы, написанъ нѣкоторыми нашими главными родоначальниками и что народъ и ихъ представители тутъ совершенно ни при чемъ; хотя мы не думаемъ, чтобы административная власть повѣрила подобному заявленію Бадмаева, но тѣмъ не менѣе, зная характеръ г. Бадмаева, мы опасаемся, чтобы онъ приговоръ нашъ не считалъ имъ опровергнутымъ, слѣдовательно, не имѣющимъ силы и не началъ бы пользоваться нашими письмами и пр. А потому нашли необходимымъ симъ вторично заявить всѣмъ должностнымъ лицамъ и присутственнымъ мѣстамъ Россійской Имперіи, что всѣ, подобные вышеизложенному, касающіеся народнаго интереса, вопросы обыкновенно исходятъ первоначально изъ самой массы народной, обсуждаются въ улусныхъ сугланахъ и уже потомъ переносятся на рѣшеніе общаго суглана, гдѣ постановляются приговоры всегда согласно желанію и требованію народа. Такъ было и съ вопросомъ объ уничтоженіи довѣрія, даннаго г. Бадмаеву, что можно ясно видѣть изъ смысла приговора нашего. Вслѣдствіе вышеизложеннаго, мы вторично осмѣливаемся покорнѣе просить должностныхъ лицъ и присутственныхъ мѣстъ не придавать значенія напечатанному въ № 7839 газеты „Новое Время“ заявленію Бадмаева, и письма, бумаги и телеграммы, посланныя или данныя нами Бадмаеву на хожденіе и хлопоты по разнымъ нашимъ дѣламъ, считать недѣйствительными“.

Въ двухъ письмахъ въ редакцію „Новаго Времени“ П. А. Бадмаевъ далъ разъясненіе относительно приговоровъ, стремящихся набросить тѣнь на его добросовѣстность и образъ дѣйствій по отношенію къ интересамъ своихъ сородичей. Указавъ, прежде всего, что онъ никакихъ довѣренностей на хожденіе по дѣламъ бурятъ не имѣлъ и все, что имѣло предпринималось въ этомъ направленіи, носило исключительно характеръ личнаго его расположенія къ нуждамъ своего народа, г. Бадмаевъ, между прочимъ, говоритъ:

„Писавшіе это объявленіе—главные родоначальники: Бодинъ, Аюціевъ, Вамбоцпреновъ и Дылыковъ... Всѣ эти люди служили у меня на жалованьи; нѣкоторые изъ нихъ за явное нарушеніе моихъ интересовъ были уволены и уклоняются уплатить свои долги; другіе были отставлены только по подозрѣніямъ. Я ихъ принялъ на службу только для того, чтобы избавить народъ отъ эксплуатаціи этихъ лицъ, принимавшихъ на себя ходатайства по дѣламъ ламайскимъ и земельнымъ. Я желалъ, съ одной стороны, воспользоваться ими, какъ людьми способными для дѣла, а съ другой—лишить ихъ вреднаго вліянія при распространеніи мною православія“. Во второмъ письмѣ онъ пишетъ: „Теперь отвѣчу на вопросы г. Дылыкова: 1) эксплуататорами своего народа принято называть людей, собирающихъ, между прочимъ, съ этого народа негласно деньги, подъ предлогомъ различныхъ за него ходатайствъ. Всѣ это отлично знаютъ—я говорю о сородичахъ г. Дылыкова,—что г. Дылыковъ совершалъ неоднократно поѣздки въ Петербургъ и обратно на деньги, негласно собранныя съ бурятъ для ходатайства по дѣламъ ламайскимъ и земельнымъ; 2) говоря о составителяхъ объявленія, помѣщеннаго въ „Забайкальскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ“ и упомянувъ фамилію Дылыкова, я писалъ, что „другіе были отставлены по подозрѣнію“. Г. Дылыковъ слу-

жилъ у меня за опредѣленную плату, но по истеченіи нѣкотораго времени, торговый домъ пересталъ ему давать порученія, о чемъ и увѣдомилъ меня...“

Въ этихъ письмахъ г. Дылыковъ усмотрѣлъ клевету на него и возбудилъ противъ Бадмаева обвиненіе по 1535 ст. улож. о нак.

Дѣло слушалось 9 апрѣля въ I отдѣленіи С.-Петербургскаго окружнаго суда безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Со стороны обвинителя Дылыкова выступилъ прис. пов. В. Ф. Кутыловскій; обвиняемаго, явившагося въ засѣданіе, защищалъ прис. пов. С. И. Ширвиндъ.

Бадмаевъ доставилъ въ засѣданіе привезенныхъ имъ изъ азіатскихъ степей нѣсколькихъ сородичей, которые должны были воспринести передъ судомъ картину мѣстной жизни и отношеній, которыя были и существуютъ по настоящее время къ нему, Бадмаеву. Excerptio veritatis, которое обвиняемый стремился представить суду, сводилось къ доказательству: 1) недобросовѣстности Дылыкова, — частнаго обвинителя, въ качествѣ служащаго торговаго дома „П. А. Бадмаевъ и К.“ и 2) пользованія имъ общественными суммами.

На судѣ была установлена единогласно всѣми свидѣтелями бурятами система негласныхъ поборовъ (такъ называемый *темный сбор*). Сборы взимаются одновременно съ податью, такъ что народъ, въ сущности, думаетъ, что онъ уплачиваетъ подати. Квитанцій въ полученіи этихъ суммъ не выдается никакихъ; отчетовъ также не представляется. Дылыковъ еще 15 лѣтъ тому назадъ былъ совершенно неимущій человекъ; въ качествѣ засѣдателя степной думы онъ получалъ всего 50 р. въ годъ, но съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ ходатаемъ по дѣламъ, благосостояніе его сразу возрасло и теперь онъ считается въ степи однимъ изъ самыхъ зажиточныхъ и даже богатыхъ людей. Между тѣмъ никакой торговли, никакого доходнаго занятія у него не было. Ясно, стало быть, что разбогатѣлъ онъ на народныхъ деньгахъ! Въ качествѣ служащаго въ торговомъ домѣ „П. А. Бадмаевъ и К.“, онъ много разъ не оправдывалъ довѣрія торговаго дома, покупалъ товаръ недоброкачественный или по неимовѣрно дорогимъ цѣнамъ, такъ что онъ до сихъ поръ лежитъ въ складахъ торговаго дома. Все это заставило администрацію торговаго дома удалить Дылыкова со службы, какъ недобросовѣстнаго служащаго. Что касается противодѣйствія его въ дѣлѣ распространенія православія между бурятами, то на этотъ счетъ свидѣтели удостовѣрили, что съ тѣхъ поръ, какъ Дылыковъ прибылъ на родину, притокъ пожертвованій на постройку православнаго храма со стороны буддистовъ и ламъ сталъ замѣтно уменьшаться и вскорѣ совершенно прекратился.

Прис. пов. Кутыловскій въ рѣчи своей указалъ, что свидѣтели эти—не вполне безпристрастные люди, такъ какъ это или родственники Бадмаева, или находящіеся отъ него въ зависимости, какъ служащіе торговаго дома „П. А. Бадмаевъ и К.“. Не правда, что Дылыковъ былъ удаленъ изъ торговаго дома: онъ самъ ушелъ. Реальныхъ фактовъ его недобросовѣстности даже эти расположенные къ Бадмаеву свидѣтели не могли указать; что же касается такъ называемаго *темнаго сбора*, то самое существованіе его весьма проблематично, а въ особенности не установлено, чтобы этими суммами пользовался Дылыковъ.

Прис. пов. Ширвиндъ, съ своей стороны, считалъ исполнѣ установленнымъ показаніями не только родственниковъ Бадмаева, но и постороннихъ обвиняемому свидѣтелей, что Дылыковъ обманывалъ довѣріе торговаго дома и за это былъ удаленъ со службы и что онъ былъ повѣреннымъ по земельнымъ дѣламъ и, въ качествѣ такового, пользовался общественными деньгами.

Въ послѣднемъ своемъ словѣ П. А. Бадмаевъ указалъ на то огромное общественное зло, которое

представляеть въ жизни бурятскаго народа такъ называемый *темный сборъ*. Этотъ сборъ, констатированный официально, — въ трудахъ комисси-статъ-секретаря Куломзина, — ложится громаднымъ бременемъ на платежную способность бурята. Историческое же происхождение его слѣдующее: буряты ищутъ земли, которая, по ихъ мнѣнію, неправильно захвачена казною. Въковая тяжба съ казною требуетъ издержекъ и различнаго рода ходатайствъ. Пользуясь этимъ положеніемъ, нѣкоторые неблагонадежныя личности взимають съ народа негласный сборъ, предназначенный-де на расходы по поѣздкѣ и на ходатайства. Понятно, что самая крупная часть этихъ денегъ застрѣваетъ въ карманахъ т.г. благодѣтелей. Горячо любя свой народъ, онъ, Бадмаевъ, всегда, и устно и печатно, говоритъ противъ этихъ эксплуататоровъ своего народа, говорилъ о необходимости перелазъ дѣло опытному юристу, и общественныя суммы поставить подъ извѣстный контроль. Такія мысли и рѣчи не могли нравиться мнимымъ благодѣтелямъ своего народа и онъ искалъ случая погубить его въ общественномъ мнѣніи. Проповѣдая необходимость христіанства среди бурятовъ, онъ, однако, былъ противъ крутыхъ мѣръ борьбы съ ламами и порицалъ не въ мѣру усердныхъ миссіонеровъ, указывая, что примирительная его политика и проповѣдь христіанства мирнымъ путемъ привели къ тому, что ламы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ присутствуютъ при православномъ богослуженіи. Такая идейная борьба создала ему много враговъ, которые воспользовались его отъѣздомъ съ Востока, чтобы уговорить темный народъ отречься отъ него. По слухамъ, доходившимъ до него съ Востока, онъ подозрѣвалъ, что съ приговорами что-то неладно. И дѣйствительно, на телеграфный запросъ его, засѣдатель Хоринской думы Махаловъ отвѣтилъ, что приговоръ составленъ не въ думѣ и не записанъ въ книгу, слѣдовательно, не можетъ считаться законнымъ. Въ заключеніе Бадмаевъ указалъ, что Дылыковъ является лишь жалкимъ орудіемъ въ рукахъ болѣе опытныхъ, скрывающихся за его спиною дѣятелей, которые напечатаніемъ этихъ приговоровъ хотѣли положить конецъ его общественной дѣятельности.

Окружный судъ, послѣ непродолжительнаго совѣщанія, вынесъ Бадмаеву оправдательный приговоръ.

Хроника.

4 мая въ департаментѣ желѣзныхъ дорогъ откроеся засѣданія совѣщанія по вопросу объ учрежденіи въ портовыхъ городахъ института присяжныхъ вѣсовщиковъ и о возложеніи на желѣзныя дороги полной ответственности за недостачу въ вѣсѣхъ хлѣбныхъ грузовъ, слѣдующихъ въ порта.

9 апрѣля закончились труды комиссиіи объ установленіи въ войскахъ предѣльнаго возраста по отношенію къ правамъ по чинопроизводству и порядку замѣщенія должностей. Примѣненіе закона о предѣльномъ возрастѣ, способствуя обновленію офицерскаго персонала, вызоветъ новые расходы на военное вѣдомство, вслѣдствіе неизбежнаго увеличенія числа пенсионеровъ за счетъ государственнаго казначейства.

Юридино-психіатрическая подкомиссія, работавшая по вопросу объ ограниченіи правъ алкоголиковъ, выработала въ настоящее время окончательную формулу предполагаемаго по этому предмету проекта

законоположенія, по которой: 1) привычные пьяницы, т. е. лица, доведенныя злоупотребленіемъ спиртными напитками до такого болѣзненнаго состоянія, которое угрожаетъ опасностью какъ для нихъ самихъ, такъ для ихъ семействъ и всего общества, могутъ подлежать принудительному заключенію въ лечебницы на время отъ 6-ти мѣсяцевъ до 2-хъ лѣтъ, съ ограниченіемъ нѣкоторыхъ правъ и учрежденіемъ надъ ними опеки, и 2) мѣра эта можетъ быть принята не иначе, какъ по постановленію суда и примѣнительно къ параграфамъ 171-му и 197-му проектируемаго опекунскаго устава (относительно душевно-больныхъ).

— („Русск. Вѣд.“).

Комиссіей по вопросу объ алкоголизмѣ постановлено возбудить ходатайство передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ: 1) о безусловной отсѣлкѣ въ русскую армію казенной винной порціи какъ въ мирное, такъ и въ военное время; 2) о запрещеніи выдавать нижнимъ чинамъ спиртные напитки по усмотрѣнію начальствующихъ лицъ, хотя бы и на средства, отпускаемыя послѣдними; 3) о безусловномъ запрещеніи приносить спиртные напитки въ казармы; 4) о запрещеніи продажи водки въ артеляхъ нижнихъ чиновъ (полковыхъ лавочкахъ); 5) объ установленіи во всѣхъ войсковыхъ частяхъ ежедневнаго чайнаго довольствія въ томъ размѣрѣ, какъ это практикуется въ частяхъ войскъ петербургскаго гарнизона; 6) о введеніи въ кругъ обязательныхъ для новобранцевъ и нижнихъ чиновъ знаній свѣдѣній о вредѣ употребленія спиртныхъ напитковъ, причѣмъ весьма желательны бесѣды на эту тему начальствующихъ лицъ изъ офицеровъ, врачей и священниковъ; 7) объ исключеніи изъ программы преподаванія гигіены въ учебныхъ командахъ пункта о „пользѣ умѣреннаго употребленія водки“ и 8) объ учрежденіи въ казармахъ или въ районѣ расположенія нижнихъ чиновъ дешевыхъ столовыхъ, чайныхъ и читаленъ, а также объ устройствѣ для разумныхъ развлеченій солдатскихъ спектаклей, бесѣдъ и чтеній, а равно приличныхъ общественныхъ въ особенности на свѣжемъ воздухѣ игръ, въ которыхъ нижніе чины находили бы желаемое развлеченіе, не прибѣгая къ спиртнымъ напиткамъ, причѣмъ устройству такъ-называемыхъ вечеринокъ представляется нежелательнымъ.

— („Русск. Вѣд.“).

Циркуляромъ отъ 7 апрѣля 1899 г. за № 12694 министръ финансовъ сообщилъ казеннымъ палатамъ выработанную Святѣйшимъ Синодомъ для несостоящихъ на службѣ членовъ присутствій по промышленному налогу форму присяги: „Я, нижепоименованный, общаюсь предъ святымъ Евангеліемъ и животворящимъ Крестомъ Господнимъ хранить въ тайнѣ всѣ предъявляемыя мнѣ въ присутствіи по промышленному налогу свѣдѣнія, касающіяся имущественнаго положенія плательщиковъ. Во увѣреніе-же сего моего общанія цѣлую слова и крестъ Спасителя моего. Аминь“.

5 апрѣля харьковскій окружный судъ слушалъ, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, дѣло по обвиненію дворянина Нилуса въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 2 п. 1503 ст. улож. о нак. Въ октябрѣ

мѣсяцъ произошла дуэль между названнымъ г. Нилусомъ и поручикомъ 122 пѣхотнаго Тамбовскаго полка Ростуновымъ, на которой послѣдній былъ смертельно раненъ первымъ, а затѣмъ вскорѣ скончался отъ этой раны въ военномъ госпиталѣ. Дуэль эта состоялась съ разрѣшенія военного начальства. Прокурорскій надзоръ харьковскаго окружнаго суда нашель однако полное основаніе для привлеченія г. Нилуса къ уголовной ответственности по вышеприведенной статьѣ уложенія. Слушаніе настоящаго дѣла происходило при закрытыхъ дверяхъ; резолюція же была объявлена гласно.

Окружный судъ призналъ г. Нилуса виновнымъ въ приписываемомъ ему преступномъ дѣяніи и приговорилъ его къ заключенію въ крѣпости на два года, съ ограниченіемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ. („Жизнь и Иск.“).

На-дняхъ въ уголовномъ отдѣленіи астраханскаго окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей слушалось дѣло по обвиненію солдатской вдовы **Степановой въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1441 ст. улож. о наказ.** Обстоятельства этого дѣла таковы: 6 декабря 1897 г. въ астраханскую городскую Петро-Павловскую церковь пришла вдова Степанова и попросила окрестить принесеннаго ею младенца женскаго пола. Когда діаконъ сталъ записывать въ метрической книгѣ имена родителей, то Степанова предъявила ему свой паспортъ. Ребенокъ такимъ образомъ былъ крещенъ и въ метрической книгѣ записанъ подъ именемъ незаконнорожденной дочери вдовы солдатки Степановой.

Впослѣдствіи оказалось, что крещенный Степановой ребенокъ рожденъ крестьянскою дѣвицей Вареновой. Послѣдняя, при допросѣ ея, объяснила, что 5 декабря 1897 года она въ квартирѣ Степановой родила дочь и что Степанова взяла съ нея 10 р. и обѣщала принять ея ребенка „въ дѣти“. Варенова, по словамъ ея, не просила Степанову выдавать ея дочь за своего ребенка.

Присяжные засѣдатели вынесли оправдательный вердиктъ. („Астр. Вѣстн.“).

Нѣкій Колесниченко обвинялъ въ камерѣ городского судьи 3 уч. Елисаветградскаго уѣзда церковнаго старосту Якова Коха въ ростовщичество. По окончаніи дѣла Кохъ назвалъ Колесниченко „негодяемъ“, за что былъ привлеченъ также къ отвѣтственности по обвиненію въ **оскорбленіи лица въ присутственномъ мѣстѣ.** Елисаветградскій окружный судъ приговорилъ его къ аресту при полиціи на 3 недѣли. По апелляціонному отзыву дѣло перешло въ палату, гдѣ Кохъ доказывалъ, что выраженіе „негодяй“, сказанное на судѣ по адресу одной изъ сторонъ въ процессѣ, не есть выраженіе оскорбительное. Въ доказательство этого Кохъ указалъ, что когда во французскомъ судѣ исправительной полиціи вдова Анри обвиняла Рейнака въ клеветѣ, то защитникъ послѣдняго, Лабори, отозвался объ Анри какъ о „негодяѣ“. Присутствовавшая при дѣлѣ г-жа Анри возмущилась, но предѣлательствующій остановилъ ее, заявивъ, что судъ не усматриваетъ въ этомъ оскорбленія, а ежели г-жѣ Анри оно не нравится, она вольна оставить залъ засѣданія.

Палата приговоръ суда утвердила, уменьшивъ ему наказаніе до 3-хъ дней ареста. („Од. Нов.“).

Въ засѣданіи временнаго отдѣленія каменецъ-подольскаго окружнаго суда, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, въ г. Могилевѣ разсматривалось на-дняхъ **дѣло**, возникшее по частной жалобѣ мѣстнаго городского головы г. Гудзія по обвиненію подрядчика по **поставкѣ дровъ для квартирующихъ въ городѣ войскъ и городскихъ учреждений Гиньковского по 1535 ст. улож. о нак.** Сущность этого дѣла заключается въ слѣдующемъ: 17 февраля 1898 года Гиньковский подалъ заявленіе подольскому губернатору, въ которомъ, касаясь дѣйствій гор. головы, по отношенію его употребилъ слѣдующія выраженія: „факты изъ жизни Гудзія свидѣтельствуютъ о преступности его поведенія. Гудзіи всѣми мѣрами власти городского секретаря, въ каковой должности онъ тогда состоялъ, вынудилъ меня дать ему, въ видѣ взятки (вѣроятно, по обычаю), сажень грабовыхъ дровъ и 80 р. деньгами“. Подол. губернаторъ въ предписаніи своемъ отъ 28 февраля 1898 г. потребовалъ у городского головы объясненія по поводу заявленія Гиньковского и о привлеченіи его къ суду по 1635 ст. улож. о нак. На судѣ Гиньковский не отрицалъ изложенныхъ въ поданномъ имъ заявленіи фактовъ и подтвердилъ, что городскою головою Гудзіемъ въ бытность гор. секретаремъ получилъ у него въ видѣ взятки сажень дровъ и 80 р. деньгами. Потерпѣвшій Гудзіи поддерживалъ обвиненіе противъ Гиньковского и заявилъ, что никакихъ денегъ онъ не получалъ отъ Гиньковского. Дрова онъ, дѣйствительно, взялъ, только не сажень, а $\frac{1}{2}$ сажени, за что уплатилъ ему деньги, причемъ присовокупилъ, что цѣль возведенной на него Гиньковскимъ клеветы—озорить его честь. Свидѣтели на судѣ въ общемъ вполне подтвердили вѣрность приписываемыхъ г. Гудзію въ заявленіи Гиньковского дѣяній и судъ послѣ недолгаго совѣщанія вынесъ подсудимому Гиньковскому оправдательный приговоръ. („Южн. Об.“).

Въ послѣднюю выѣздную сессію кам.-подольскаго окр. суда въ Могилевѣ слушалось съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, **дѣло по обвиненію восьми крестьянъ с. Плебановки Шаргородской волости, Могил. уѣзда, Под. губ.: И. и П. Кушнировъ, Г. Кориннаго и др. по 1489 ст. улож. о нак.** Подсудимые—люди преклоннаго возраста. Въ маѣ 1898 года у крестьянина с. Плебановки, Ивана Кушпира, были украдены лошади. Вскорѣ послѣ этого, чрезъ Плебановку препровождился извѣстный конокрадъ Пастушенко, сообщившій Кушпиру, что лошади его были украдены его односельчаниномъ Павломъ Жмудемъ и Иваномъ Мудракомъ. Послѣдніе, вельдѣствіе такого оговора, были тотчасъ арестованы и посажены въ сарай одного изъ крестьянъ, гдѣ подъ карауломъ десятскихъ и пробыли съ 28 по 31 мая. Въ теченіе этихъ трехъ дней, въ сарай къ нимъ часто заходили подсудимые, которые били ихъ по головамъ и всему тѣлу кулаками и обувью въ сапоги съ подковками ногами, требуя, чтобы арестованные сознались въ кражѣ лошадей у Кушпира. Не довольствуясь этимъ, подсудимые подвѣшивали Жмудя,

последовательно привязывая одинъ конецъ веревки къ большому пальцу ноги, а другой, переброшенный чрезъ балку сарая, тянули внизъ; Мудрака же ставили бо-сыми ногами на желѣзную щетку съ острыми зубьями, употребляемую для расчесыванія конопли. Подсудимые не признали себя виновными и объяснили, что Жмудъ и Мудракъ, уличая другъ друга въ кражѣ, наносили одинъ другому побой. Вызванные по этому дѣлу свидѣтели аттестовали подсудимыхъ съ самой лучшей стороны, зная ихъ за честныхъ и трудолюбивыхъ хозяевъ; на потерпѣвшихъ же указывали какъ на воровъ и имѣющихъ близкое сношеніе съ конокрадами, причемъ выяснилось, что съ мая 1898 г. въ селѣ Плебановкѣ не было ни одного случая кражи...

Присяжные засѣдатели послѣ непродолжительнаго совѣщанія вынесли подсудимымъ оправдательный вердиктъ.

По распоряженію управления казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, всѣ служащіе на послѣднихъ отказались отъ уплаты городского больничнаго сбора, и всѣ представленія по этому поводу управы никакого успѣха не имѣли. Въ настоящее время, на основаніи заключенія городского юриконсульта, нашедшаго, что распоряженіе управления противорѣчитъ существующимъ на этотъ счетъ законоположеніямъ, городская управа предлагаетъ думѣ принести жалобу въ Правительствующій Сенатъ. („Гражд.“).

Калужскій и нѣкоторые другіе губернаторы вошли въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ представленіемъ о необходимости учрежденія при земскихъ начальникахъ должностей писмоводителей съ правами государственной службы. Основаніемъ къ учрежденію этихъ должностей является то обстоятельство, что въ отсутствіе земскаго начальника всѣ поступающіе документы, бумаги, просителей принимаетъ писмоводитель, и практика показала, что порученіе принятія документовъ лицу вольнонаемному, не связанному служебной отвѣтственностью, бываетъ иногда рискованно.

Въ настоящее время въ Скопинскомъ земствѣ, Рязанской губерніи, губернскимъ присутствіемъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ былъ разрѣшенъ крайне интересный вопросъ о правахъ предсѣдателя управы и этой послѣдней, какъ коллегіальнаго учрежденія, по назначенію и увольненію служащихъ въ земствѣ, помимо лицъ, служащихъ въ канцеляріи; земскимъ собраніемъ XXXIV очереднаго созыва признано, что дѣла по назначенію и увольненію служащихъ въ земствѣ, помимо канцеляріи, не могутъ подлежать коллегіальному обсужденію управы. Съ такимъ постановленіемъ земскаго собранія не призналъ возможнымъ согласиться губернаторъ, который перенесъ протестъ на обсужденіе губернскаго присутствія, воплѣ согласившагося съ мнѣніемъ начальника губерніи. Мотивами къ отклоненію постановленія земскаго собранія послужили тѣ соображенія, что ст. 97 полож. о земск. учредж. возлагаетъ непосредственное завѣдываніе дѣлами земскаго хозяйства и управления на земскія управы, которыя и отвѣчаютъ предъ земскимъ собраніемъ въ полномъ своемъ составѣ за пра-

вильное веденіе этихъ дѣлъ, представляя собраніямъ отчетъ о своей дѣятельности. Единичной власти предсѣдателя управы предоставляется лишь назначеніе и увольненіе лицъ, исполняющихъ въ земской управѣ обязанности по дѣлопроизводству. Что касается до ст. 100 полож. о земск. учредж., послужившей основаніемъ для собранія въ смыслѣ указанія управѣ способовъ назначенія и увольненія служащихъ (такъ какъ, согласно этой послѣдней, указаніе дѣлъ, подлежащихъ коллегіальному обсужденію управы предоставляется самому земскому собранію, то, по мнѣнію губернскаго присутствія, изъ смысла этой статьи явствуетъ, что въ ней говорится о дѣлахъ, относящихся до внутренняго распорядка въ управѣ по распоряженіямъ и надзору за земскимъ хозяйствомъ и управленіемъ, а не о дѣлахъ, касающихся назначенія и увольненія личнаго состава этого управленія.

Въ протестѣ начальника губерніи справедливость такого разъясненія 100 ст. земскаго положенія подтверждается, между прочимъ, еще и тѣмъ соображеніемъ, что ст. 179 уст. об. пригр. по прод. 1895 г. медики, смотрителя, эконома и служители въ заведеніяхъ общественнаго призрѣнія, перешедшихъ, какъ извѣстно, въ завѣдываніе земства, назначаются земскими управленіями, а не предсѣдателями или отдѣльными членами этихъ управъ.

Библиографія.

Б. Чичеринъ. О народномъ представительствѣ. Москва. 1899. XXIV + 810 стр. Цѣна (въ перепл.) 3 р. Изданіе библиотеки для самообразованія (т. XIX).

Б. Н. Чичеринъ—этотъ патріархъ русской политической науки—за послѣдніе годы проявляетъ самую неутомимую научную и литературную дѣятельность. Помимо строго научныхъ работъ, изъ которыхъ главнѣйшею является фундаментальный „Курсъ государственной науки“, Б. Н. Чичеринъ не мало трудится и надъ популяризацией политическихъ и государственныхъ наукъ. Такъ, имъ была выпущена приспособленная для этой цѣли передѣлка его солиднаго труда—„Исторія политическихъ ученій“, изданная тою же бібліотекою для самообразованія въ двухъ небольшихъ томахъ, подъ заглавіемъ: „Политическіе мыслители древняго и новаго міра“.

Нынѣ г. Чичеринъ переработалъ для той же бібліотеки свой вышедшій первымъ (и до сихъ поръ единственнымъ) изданіемъ въ 1866 г. трудъ о народномъ представительствѣ. Благодаря своему вполне доступному изложенію, настоящая книга не потребовала для той новой роли, для которой она теперь предназначается, никакихъ особыхъ передѣлокъ. Во всякомъ случаѣ, не сдѣлавъ никакихъ урѣзокъ, сокращеній, такъ что въ настоящемъ чистенькомъ и аккуратномъ изданіи читатель найдетъ все то, что нашелъ бы и въ первомъ. Въ области, которой посвящено настоящее изслѣдованіе, со дня перваго его изданія произошло много крупныхъ событий и перемѣнъ, „которыя, говоря словами автора, потребовали дополненій къ историческому изложенію хотя бы и въ краткой формѣ“. Потребовались и нѣкоторыя измѣненія: то, что говорилось о настоящемъ, пришлось отнести къ прошлому. Но все существенное осталось нетронутымъ. Новѣйшія событія не только не поколебали высказанныхъ здѣсь взглядовъ, но, напротивъ, могли служить имъ подтвержденіемъ“.

Слова автора, — изъ которыхъ можно было бы заключить, что всѣ измѣненія, внесенныя въ новое издание, сводятся къ грамматическимъ передѣлкамъ отдѣльныхъ фразъ, гдѣ настоящее время замѣнено прошедшимъ, — не совсѣмъ точны. Изъ крупныхъ событій политической жизни послѣднихъ тридцати лѣтъ не осталось ни одного, не отмѣченнаго авторомъ и не оцѣннаго имъ; и въ этомъ смыслѣ въ книгѣ новаго найдется не мало (стр. 98, 215, 216, 280—282, 316, 437, 520, 569 и др.).

Но, быть можетъ, не всѣ читатели согласятся съ авторомъ въ томъ, что событія послѣднихъ лѣтъ служатъ лишь подтвержденіемъ высказанныхъ имъ взглядовъ. Напр., нѣкоторые упреки, дѣлаемые имъ „радикальной“ партіи, послѣ реформъ послѣднихъ лѣтъ въ Швейцаріи, Англіи и Австраліи, гдѣ многое, считаемое авторомъ несбыточными мечтами „радикаловъ“, стало наконецъ ко всеобщей пользѣ дѣйствительностью, могутъ теперь показаться требующими существенныхъ оговорокъ. Но въ общемъ анализъ основныхъ вопросовъ народнаго представительства и всего, что съ нимъ непосредственно связано, такъ вѣренъ, такъ глубокъ, что читателю иногда кажется, что тотъ или иной взглядъ, высказанный въ 1866 г., не только подтверждается послѣдующими событиями, а прямо изъ нихъ и былъ выведенъ.

Но на этихъ послѣднихъ событіяхъ авторъ почти не останавливается; вопросы дня, сегодняшнія сочетанія политическихъ партій его не занимаютъ вовсе; всѣ мелочи жизни, все временное, переходящее не находятъ себѣ мѣста въ книгѣ. Быть можетъ, слѣдуетъ пожалѣть, что многіе вопросы, не только интересующіе, но и страстно волнующіе современную политическую мысль, въ этой книгѣ вовсе не затронуты. Но это придаетъ ей какой-то безстрастный, величавый тонъ.

Н. Л.

ЮРИДИЧЕСКІЯ ОБЩЕСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Административное отдѣленіе.

Въ засѣданіи 9 апрѣля дѣйствительный членъ общества А. П. Дымша прочелъ докладъ на тему: „казенная продажа питей и ея значеніе въ борьбѣ съ пьянствомъ“.

Указавъ на тотъ нравственный вредъ, который приносила система откуповъ, главнымъ образомъ, путемъ развращенія нашей администраціи, докладчикъ подробно остановился на темныхъ сторонахъ акцизной системы.

Акцизная система оказалась особенно вредною для народнаго здоровья, не уступая въ этомъ отношеніи даже откупамъ. Качество вина при акцизѣ ухудшилось, и населенію оно продавалось съ содержаніемъ до 3 процентовъ сивушнаго масла. Кабакъ, подъ тѣмъ или другимъ наименованіемъ существовавшій и при акцизѣ, былъ сборнымъ мѣстомъ худшихъ элементовъ общества, а кабатчикъ—эксплуатируя населеніе, извлекалъ изъ него всѣ соки.

Затѣмъ докладчикъ подробно остановился на тѣхъ заботахъ министерства финансовъ объ уменьшеніи пьянства, которыя легли въ основу закона 6 іюня 1894 г. о казенной продажѣ питей, и на тѣхъ затрудненіяхъ финансоваго характера, которыя были при этомъ встрѣчены.

Стремленіе и ограничить пьянство, и соблюсти интересы государственнаго казначейства видны во всемъ законѣ 6 іюня 1894 г. На изложеніи его докладчикъ остановился особенно подробно, что и заняло значительную часть реферата. Что касается „попечительствъ о народной трезвости“, то въ жизнеспособности ихъ и въ той пользѣ, которую они могутъ принести, онъ не сомнѣвается, но лишь при условіи уменьшенія въ нихъ бюрократическаго элемента, а также изытанія ихъ изъ вѣдомства министерства финансовъ, что по слухамъ уже и предполагается. Выясненію значенія реформы для сокращенія пьянства и народнаго здоровья былъ посвященъ конецъ доклада: кабакъ замѣненъ казенною лавкою, съ продавцомъ, не заинтересованнымъ въ спаиваніи народа и не могущимъ отпускать вино въ кредитъ; сравнительно съ прежними кабаками число винныхъ лавокъ значительно уменьшено; ограничены часы торговли. Докладчикъ не сочувствуетъ тому, что законъ разрѣшаетъ отступленія какъ отъ того правила, что винная лавка не можетъ быть открыта ближе 40 сажень отъ церкви, школы и т. п., такъ и отъ того—что торговля должна прекращаться на время литургій, сельскаго схода и т. д. Часъ же, до котораго разрѣшается торговать (10 часовъ веч.), онъ считаетъ слишкомъ позднимъ. Единственною несомнѣнною заслугою реформы является улучшенія качества вина, хотя законъ и допускаетъ возможность продажи и не вполне очищеннаго вина.

Ф. И. Родичевъ, возражая докладчику, замѣтилъ, что и во время откуповъ постоянно подмѣшивали въ вино всякія вредныя вещества. Акцизъ улучшилъ вино, внеся въ виноторговлю начало конкуренціи. Онъ явился эрой оздоровленія не только администраціи, но и народа. Уменьшеніе количества лавокъ не уменьшить пьянства. При страсти населенія къ вину недостатокъ кабаковъ увеличиваетъ вредъ пьянства, примѣромъ чему можетъ служить Сибирь, гдѣ противъ искушенія водкою народъ устоять не въ силахъ. Чтобы уменьшить пьянство, надо поднять нравственный и умственный уровень населенія; числомъ лавокъ этого достигнѣ нельзя. Докладчикъ напрасно идеализируетъ мотивы введенія казенной монополіи. Когда при Вышнеградскомъ появились первые проекты этой монополіи, то прямо говорилось, что продажа вина—золотое рудо для казны, что ей перейдетъ все то, что теперь наживаютъ кабатчики. Вопросъ о народномъ здоровіи занималъ подчиненное значеніе. Но на дѣлѣ оказалось, что или доходы кабатчиковъ были мизеромъ, или они не попали въ казну. Что дальше будетъ, сказать трудно, но существующіе отчеты по казенной продажѣ въ настоящемъ даютъ слѣдующую картину. Въ южныхъ губерніяхъ за первое полугодіе 1895 г. потребление вина уменьшилось на 19,2% противъ средняго полугодоваго количества за послѣднія 10 лѣтъ. Неурожай 1894 г. былъ тому главною причиною. Но и повышеніе цѣны на вино тоже имѣло свое значеніе. Въ первое полугодіе 1895 г. населеніе въ дѣйствительности заплатило за вино на 639 тыс. руб. болѣе, нежели платило раньше. Но если бы населеніе выпило при акцизной системѣ то количество вина, которое выпило при монополіи, то заплатило бы за него

на 7 миллионъ меньше. Доходъ же казны остался приблизительно тѣмъ же (26 миллионъ р.). Въ четырехъ сѣверныхъ губ. потребление увеличилось. Увеличился и доходъ казны (на 5 миллионъ). Но издержки взиманія составляютъ 253% чистаго дохода. Этого нельзя назвать финансовымъ успѣхомъ. Одинакая стоимость вина въ большой и малой посудѣ привела къ тому, что въ городахъ, гдѣ вино покупается въ малой посудѣ, оно почти не измѣнилось въ цѣнѣ, но въ деревняхъ, гдѣ оно получается гл. обр. четвертями, оно страшно вздорожало, такъ что весь излишекъ получаемого казноу дохода ложится на бѣднѣйшее сельское населеніе. Съ точки зрѣнія пробы казеннаго хозяйства, результаты не блестящи: одни канцелярскіе расходы обходятся по 5 коп. на ведро—чего бы ни одно частное хозяйство не вынесло. Во что обходится ректификація, сказать трудно: въ отчетахъ дается цифра, въ которую не входятъ ни расходы по управленію, ни на погашеніе затратъ. Реформу надо признать неудачною и съ точки зрѣнія народнаго здоровья и народнои правденности. Выигрышъ въ качествѣ вина не такъ великъ. Ректификація была возможна и при акцизной системѣ; послѣ того, какъ съ 1892 г. начали возвращать терявшійся при ректификаціи спиртъ, его все чаще и чаще выпускали въ продажу ректифицированнымъ. Порча же вина теперь осталась столь же возможною; ее легче скрыть: надзоръ акциза былъ дѣятельнѣе и строже, наконецъ, само общество могло при старой системѣ слѣдить за злоупотребленіями, монополія же отъ публики безопасна.

И въ казенныхъ лавкахъ сидѣлецъ можетъ отпустить вино въ кредитъ. Постановка попечительствъ трезвости совершенно неудовлетворительна. Многого они во всякомъ случаѣ дать не могутъ. Даже въ Швейцаріи, гдѣ имъ отпускается 10% дохода, доставляемого винною монополіею, ими недовольны. Наша же ассигновка въ 203 тыс. р. номинальна. Къ тому же всѣ

начинанія попечительствъ встрѣчаютъ серьезныя затрудненія.

Нельзя сократить пьянство тѣмъ или другимъ устройствомъ винныхъ лавокъ. Слѣдовало бы: 1) сократить производство вина и 2) поднять общій нравственный уровень населенія.

На это докладчикъ замѣтилъ, что финансовая сторона реформы не была предметомъ его доклада. Дѣйствительно того, что положеніе попечительствъ весьма ложное, не признать нельзя. Съ тѣмъ же, будто отдаленіе кабака не уменьшаетъ пьянства, онъ не согласенъ, равно какъ и съ тѣмъ, что казенная монополія не улучшила качества вина: напротивъ того, онъ категорически утверждаетъ, что тутъ реформа принесла несомнѣнную пользу. Это единственная дѣйствительная заслуга реформы.

Г. Фустовъ замѣтилъ, что введеніе казенной продажи неправомѣрно, такъ какъ нарушаетъ интересы частныхъ лицъ, напр. спиртопромышленниковъ. Она и не цѣлесообразна, такъ какъ ограждаетъ народную правденность дѣло не министерства финансовъ, а внутр. дѣлъ; оно должно было бы дѣйствовать въ этомъ направленіи черезъ земскихъ начальниковъ. Введеніемъ золотой валюты министерство финансовъ ухудшило положеніе крестьянина, а теперь берется его улучшать.

Докладчикъ возразилъ, что винная монополія уже потому одному касается министерства финансовъ, что ближайшимъ образомъ затрагиваетъ вопросы народнаго благосостоянія.

Предсѣдатель, К. К. Арсеньевъ, указалъ, что нельзя считать неправомѣрнымъ какой-либо законъ отъ того, что онъ нарушаетъ чьи-либо интересы.

Что же касается доклада, то разсмотрѣніе финансовой стороны реформы дѣйствительно не являлось задачей докладчика; съ положеніями же, имъ выставленными, какъ выяснилось изъ преній, собраніе согласено.

Судебная и судебно-административная практика.

1 Департаментъ Правительствующаго Сената.

Выдача пособія изъ земскихъ суммъ общественно-земской школы при преобразованіи ея въ церковно-приходскую (ст. 2 прил. къ ст. 6 пол. о зем. учр.).

Указъ 2 сентября 1898 г.

При открытіи въ 1892 г. въ с. Гурбинцахъ, Ивановской волости, Прилукскаго уѣзда, согласно ходатайству мѣстнаго сельскаго общества, общественно-земской школы, Прилукское земское уѣздное собраніе, принявъ на себя расходъ по постройкѣ названной школы, вмѣстѣ съ тѣмъ постановило: производить ежегодно отпускъ изъ земскихъ суммъ пособія на содержаніе сего училища въ размѣрѣ 355 руб., при чемъ въ такомъ же размѣрѣ приняло на себя участіе въ расходахъ на нужды названнаго училища и само Гурбинское сельское общество. Въ 1896 году Гурбинское общество по случаю открытія у него второклассной церковно-приходской школы рѣшило преобразовать существующее въ Гурбинцахъ земское училище въ церковную одноклассную школу и ходатайствовало предъ Прилукскимъ земскимъ собраніемъ о продолженіи выдачи пособія и этой

школы изъ земскихъ суммъ на прежнемъ основаніи и о предоставленіи обществу правъ расходовать сіе пособіе на нужды школы по своему усмотрѣнію. Но Прилукское уѣздное земское собраніе, принявъ во вниманіе, что разрѣшеніе въ утвердительномъ смыслѣ возбужденнаго Гурбинскимъ сельскимъ обществомъ ходатайства противорѣчило бы выработаннымъ въ 1881 году самимъ земствомъ правиламъ, согласно коимъ Прилукское земство приняло на себя обязательство брать на себя половину расходовъ по содержанію народныхъ училищъ лишь въ тѣхъ селахъ, въ которыхъ открываются общественно-земскія школы, ходатайство Гурбинскаго сельскаго общества отклонило. Въ принесенной Пр. Сенату жалобѣ на приведенное постановленіе Прилукскаго уѣзднаго земскаго собранія, уполномоченные отъ Гурбинскаго сельскаго общества просятъ объ отмѣнѣ сего постановленія, указывая, что церковныя одноклассныя школы, какъ и общественно-земскія, одинаково являются состоящими въ вѣдѣніи Правительства учебными заведеніями, постановленія же земскихъ учрежденій о выдачѣ пособій на содержаніе всякихъ правительственныхъ учебныхъ заведеній признаются постоянно обязательными для жертвующихъ учрежденій.

Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, Пр. Сен. находить, что, на основаніи прим. къ ст. 2 прил. къ ст. 6 пол. зем. учр. 1890 г., производство опредѣленныхъ земскими учреждениями ежегодныхъ пособій на содержаніе состоящихъ въ вѣдѣніи правительства учебныхъ заведеній обязательно для земскихъ учреждений лишь въ томъ случаѣ, если въ постановленіяхъ о назначеніи таковыхъ пособій не сдѣлано указаній относительно срочности или условности означенныхъ выдачъ. Изъ буквального смысла приведеннаго закона нельзя не заключить, что пособие изъ земскихъ средствъ Гурбинской народной школь, въ продолженіи коего Прилуцкое уѣздное земское собраніе отказало мѣстному сельскому обществу, въ виду перехода ея въ число церковныхъ учебныхъ заведеній, только въ томъ случаѣ могло бы быть признаннымъ обязательнымъ для земства, если бы въ постановленіи его о назначеніи сего пособия названной школь, не было указанія, что земское собраніе назначаетъ содержаніе именно земской общественной школь. Въ виду сего и такъ какъ въ постановленіи Прилуцкаго уѣзднаго земскаго собранія съ точностью обозначено, что земство назначаетъ Гурбинскому сельскому училищу пособие на основаніи правилъ объ открытіи земско-общественныхъ школь и, слѣдовательно, именно какъ заведенію такого рода, Правительствующій Сенатъ находить, что съ переходомъ въ 1896 году сего заведенія въ число церковно-приходскихъ школь Прилуцкое земство имѣло законное основаніе не признавать для себя обязательнымъ дальнѣйшее производство назначеннаго изъ земскихъ средствъ школь пособия и отказать въ ходатайствѣ сельскаго общества о продолженіи выдачи этой субсидіи, а потому Правительствующій Сенатъ *опредѣляетъ*: принесенную уполномоченными Гурбинскаго сельскаго общества жалобу на состоявшееся по настоящему дѣлу постановленіе Прилуцкаго уѣзднаго земскаго собранія оставить безъ послѣдствій.

III отдѣленіе угол. касс. департ. Пр. Сената.

(Докладъ сен. А. Θ. Кони; заключеніе тов. об.-прокурора М. Ф. Губскаго).

Оскорбленіе на письмѣ.

Выслушавъ кассационную жалобу повѣреннаго с. с. Теофила Бѣлавина на приговоръ С.-Петербургскаго столичнаго мирового съѣзда по обвиненію его по 131 ст. уст. о нак.¹⁾ и принимая во вниманіе, что съѣздомъ с. с. Бѣлавинъ признанъ виновнымъ въ томъ, что написалъ слушательницѣ педагогическихъ курсовъ Александрѣ Б., объявившей въ № 8121 „Новаго Времени“, что она ищетъ уроковъ по 50 коп. сер. въ часъ, письмо съ поставленными подъ нимъ буквами NN, въ которомъ выразился слѣдующимъ образомъ: „согласно объявленію въ № 8121 „Новаго Времени“ не угодно-ли вамъ, сударыня, зайти въ д. № 2 по Николаевской улицѣ, кв. № 30, комната № 4, къ одному мужчине, при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если вы говорите на французскомъ языкѣ и можете его преподавать и 2) если вы здоровая, молодая и неуродливая женщина“, въ каковыхъ выраженіяхъ съѣздомъ усмотрѣны признаки оскорбле-

нія на письмѣ, предусмотрѣннаго 131 ст. уст. о н.; что выводъ съѣзда основанъ не на предположеніяхъ объ оскорбительности приведеннаго письма, какъ утверждаетъ кассационная жалоба, а на соображеніи значенія выраженной письма по отношенію къ личности, коей таковое адресовано, и къ отсутствію въ ея занятіяхъ и общественномъ положеніи какихъ-либо основаній, извиняющихъ употребленіе сихъ выражений; что указаніе жалобы на то, что съѣзду надлежало имѣть въ виду возможность вызова г-жи Б. докторомъ Бѣлавинымъ къ находящимся при немъ дѣтямъ въ качествѣ гувернантки, не заслуживаетъ уваженія уже потому, что въ апелляціонномъ отзывѣ на это не было никакой ссылки и что въ неподписанномъ имъ письмѣ докторъ Бѣлавинъ назвалъ себя одинокимъ, а въ засѣданіи съѣзда объяснить, что живетъ одинъ, занимая одну меблированную комнату, почему съѣздомъ ни 118 и 766, ни 119 ст. у. у. с. не нарушены; что установленная съѣздомъ объективная оскорбительность сдѣланнаго въ письмѣ обвиняемаго приглашенія для женщины, находящейся въ положеніи г-жи Б., каковой выводъ съѣзда не подлежитъ провѣркѣ въ кассационномъ порядкѣ, какъ основанный на существѣ дѣла (5 ст. у. у. с.), тѣмъ самымъ заключаетъ въ себѣ и признаніе намѣренности въ дѣйствіяхъ Бѣлавина (рѣш. 1886 г. № 42), который ни на неосторожность, ни на неосмотрительность своихъ дѣйствій не указываетъ, написаніе же оскорбительнаго письма съ намѣреніемъ соответствуетъ проявленію умысла оскорбить (рѣш. 1871 г. № 1276, 1870 г. № 1084 и др.) и что поему приговоръ съѣзда представляется правильнымъ и согласнымъ со смысломъ 131 ст. у. у. с., Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: жалобу повѣреннаго Теофила Бѣлавина оставить, на основаніи 174 ст. у. у. с., безъ послѣдствій.

С.-Петербургская судебная палата.

(Толкованіе договора товарищества).

30 августа 1867 г. Дмитрій Б., Василій К., Андрей К., Николай Б. и Иванъ И. заключили условіе для правильной и успѣшной разработки принадлежащихъ имъ въ Амурской области 11 золотосодержащихъ присковъ, для чего положили составить компанію и считать общею ихъ собственностью эти приски. При этомъ условились въ слѣдующемъ: учреждаемая ими компанія есть компанія на вѣрѣ подъ наименованіемъ „Верхне-Амурская золотопромышленная Ко“ (п. 2). Компанейское предпріятіе дѣлится на 100 равныхъ частей или паевъ, распределенныхъ между учредителями (п. 3). Каждый изъ компаньоновъ можетъ продать стороннему лицу свое участіе въ компаніи, только съ согласія большинства голосовъ остальныхъ компаньоновъ; но, во всякомъ случаѣ, покупатель обязанъ вполне подчиниться какъ сему условію, такъ и дополненнымъ оное на основаніи 6 п. постановленіямъ. Лицо, купившее паи, получаетъ право рѣшительнаго голоса въ главномъ управленіи только въ такомъ случаѣ, когда имъ будетъ приобретено не менѣе десяти паевъ; владельцы же меньшаго числа паевъ получаютъ право рѣшительнаго голоса не иначе, какъ по постановленію большинства голосовъ компаньоновъ. На отчужденіе кѣмъ-либо изъ компаньоновъ своихъ паевъ въ пользу родственниковъ согласія другихъ компаньоновъ не требуется; но въ отношеніи права рѣшительнаго голоса они подчиняются всѣмъ постановленнымъ здѣсь условіямъ“ (п. 5). Главное распоряженіе дѣлами компаніи принадлежитъ главному управленію, которое составляется изъ компаньоновъ, имѣющихъ право рѣшительнаго голоса, или изъ ихъ представителей и должно находиться въ С.-Петербургѣ. Каждый компаньонъ, заключившій настоящее условіе, имѣетъ въ обсужденіи дѣлъ по одному рѣшительному голосу; рѣшеніе же дѣлъ производится большинствомъ

¹⁾ См. «Право» № 11, стр. 563.

голосовъ компаньоновъ и обязательно для всѣхъ компаньоновъ, когда оно постановлено тремя или болѣе компаньонами (п. 6). По отдаленности присковъ главное мѣстное управленіе дѣлами въ Амурской области вѣрнется особому главному управляющему, который назначается и увольняется бошинствомъ голосовъ членовъ главнаго управления (п. 8).

Основываясь на 5 п. договора, компаньонъ Сергѣй М. въ общемъ собраніи компаньоновъ 24-го апрѣля 1897 г. сдѣлалъ предложеніе о томъ, чтобы избрали его, М., членомъ главнаго управления компаніи съ правомъ рѣшительнаго голоса.

Общее собраніе компаньоновъ, выслушавъ заявленіе М. по поводу сдѣланнаго имъ 24-го апрѣля 1897 года предложенія, возраженія повѣреннаго участвующей въ компаніи графини П. и постановленіе главнаго управления 8 мая 1897 года, бошинствомъ голосовъ 29 мая 1897 г. постановило: на основаніи п. 5 компанейскаго договора отъ 30 августа 1867 г., приглашеніе въ члены главнаго управления владѣльцевъ, обладающихъ числомъ паевъ компаніи менѣе десяти, предоставляется только усмотрѣнію самого главнаго управления, но не производится по выборамъ въ общемъ собраніи компаньоновъ, которому это не предоставлено по смыслу компанейскаго договора.

По иску М. о признаніи неправильнымъ и недѣйствительнымъ постановленію общаго собранія компаньоновъ Верхне-Амурской золотопромышленной компаніи 29 мая 1897 г. окр. судъ признавалъ, что договоръ В.-Амурской компаніи 30 августа 1867 г. составляетъ особый видъ товарищества, непредусмотрѣнный закономъ въ ст. 2126—2135, 2139—2198 т. X. ч. 1—71—88 ст. уст. торг. и что поэтому возникающій изъ этого договора вопросъ о томъ—кто долженъ разрѣшать принятіе въ члены главнаго управления владѣльцевъ, обладающихъ числомъ паевъ менѣе десяти, само-ли главное управленіе или общее собраніе компаньоновъ, долженъ быть обсужденъ на основаніи правилъ о договорахъ вообще и договора 30 августа 1867 года въ частности. Въ этомъ отношеніи окружный судъ усмотрѣлъ, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ разумѣется бошинство голосовъ не всѣхъ компаньоновъ, а лишь компаньоновъ, составляющихъ главное управленіе, содержится прибавленіе: „компаньоновъ, имѣющихъ право рѣшительнаго голоса“, „бошинство голосовъ членовъ главнаго управленія“ (п. 6, 7 и 8). Въ п. 5 договора относительно рѣшенія вопроса о принятіи въ число членовъ главнаго управления такой оговорки или прибавленія не содержится и поэтому не представляется основаніемъ подразумевать подъ употребленнымъ въ этомъ пунктѣ выраженіемъ „по постановленію бошинства компаньоновъ“, не всѣхъ компаньоновъ, а лишь тѣхъ, которые являются членами главнаго управленія. Въ виду такого смысла означенной статьи, по мнѣнію окружнаго суда, надлежитъ признать, что разрѣшеніе вопроса о принятіи лицъ, владѣющихъ менѣе, нежели десятью, паями Верхне-Амурской золотопромышленной компаніи, въ число членовъ главнаго управления означенной компаніи, принадлежитъ общему собранію компаньоновъ, а не главному управленію, и что противоположное этому заключеніе общаго собранія компаньоновъ, выразившееся въ постановленіи его 29 мая 1897 года, какъ съ этимъ не согласное, должно считаться недѣйствительнымъ.

По апелляціонной жалобѣ отвѣтчика дѣло перешло въ С.-Петербургскую судебную палату, которая нашла, что „во 2 п. договора изложено, что Верхне-Амурская золотопромышленная компанія есть товарищество на вѣрѣ и что поэтому та часть соображеній истовой стороны, въ которыхъ она примѣняетъ къ означенному договору правила, установленныя для акціонерныхъ обществъ, учреждаемыхъ, притомъ, за силою 2131 ст. т. X. ч. 1 съ Высочайшаго утвержденія, представляется неправиль-

ною. Верхне-Амурская компанія по договору 30 авг. 1867 года состоитъ изъ компаньоновъ: неполныхъ и полныхъ, пользующихся правомъ рѣшительнаго голоса. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ: учредители компаніи, позднѣйшіе пріобрѣтатели паевъ, если они обладаютъ ими въ количествѣ не менѣе десяти и обладающіе и меньшимъ количествомъ паевъ. Ст. 5 договора имѣетъ въ виду учредителей товарищества на вѣрѣ, полныхъ товарищей съ рѣшительными голосами, образующихъ первое главное управленіе; въ 5 ст. излагается, какъ будетъ пополняться составъ при отчужденіи учредителями по частямъ всѣхъ исключительно принадлежащихъ имъ паевъ. По смыслу 5 ст. приглашеніе пайщика въ главное управленіе происходитъ исключительно въ главномъ управленіи: въ этой статьѣ нѣтъ указанія на выборы или баллотировку, а въ ней упоминается о постановленіи бошинства голосовъ компаньоновъ и такъ какъ въ этой статьѣ говорится о главномъ управленіи, то отсюда слѣдуетъ заключить, что въ данномъ случаѣ имѣется въ виду постановленіе главнаго управления, а не общаго собранія. Въ ст. 5 и 6 договора указывается, что вопросъ о приглашеніи пайщика, имѣющаго менѣе 10 паевъ, разрѣшается въ составѣ не менѣе 3 лицъ. Такое же постановленіе по бошинству голосовъ можетъ относиться только къ главному управленію, число членовъ котораго должно быть не менѣе трехъ, чтобы засѣданіе могло считаться состоявшимся (ст. 6). Къ вѣдомству же общаго собранія пайщикъ относится выборы на должность товарища распорядителя (ст. 7), выслушаніе годового отчета главнаго управления и постановленіе о выдачѣ дивиденда (ст. 11), при чемъ въ годовомъ собраніи постановленія дѣлаются по бошинству голосовъ пайщиковъ (ст. 12). Пайщики, не имѣющіе рѣшительнаго голоса, не участвуютъ въ распоряженіи дѣлами компаніи, ни въ заключеніи ею съ другими лицами договоровъ, ни въ выдачѣ обязательствъ, поэтому они и не несутъ отвѣтственности за дѣйствія главнаго управления, оставаясь простыми пайщиками. Предоставленіе пайщикамъ, не имѣющимъ рѣшительнаго голоса по самымъ существеннымъ дѣламъ компаніи, выбирать лицъ, не имѣющихъ обязательнаго паевого ценза, въ составъ того органа, который обладаетъ правомъ рѣшительнаго голоса, составляло бы непримиримое внутреннее противорѣчіе и въ сущности, косвеннымъ образомъ, предоставило бы этотъ рѣшительный голосъ всѣмъ. Окр. судъ находить, что когда подразумѣвается бошинство тѣхъ компаньоновъ, которые состоятъ членами главнаго управления, въ договорѣ дѣлается добавленіе: „компаньоновъ, имѣющихъ право рѣшительнаго голоса“, или „бошинствомъ голосовъ членовъ главнаго управленія“, но это заключеніе не можетъ быть признано правильнымъ. Въ 4 ст. договора сказано, что деньги для производства ежегодныхъ золотопромышленныхъ работъ вносятся каждымъ компаніономъ пропорціонально числу принадлежащихъ ему паевъ, въ размѣрахъ и въ сроки, опредѣленные смѣтами, бошинствомъ компаньоновъ утвержденными. Неупоминаніе,—какими компаньонами утверждаются смѣты, не даетъ, однако, правильнаго основанія заключить, что онѣ утверждаются общимъ собраніемъ пайщиковъ, а не главнымъ управленіемъ, потому что въ ст. 10 договора изложено, что смѣты вносятся главному управляющимъ дѣлами въ Амурской области не позже 1 августа каждаго года на утвержденіе С.-Петербургскаго главнаго управленія, а по ст. 12 договора общее собраніе пайщиковъ бываетъ только одно, для отчисленія дивиденда, на основаніи годового отчета за истекшій годъ. Такимъ образомъ, компаньоны, упоминаемые въ 4 ст. договора, представляются несомнѣнно компаньонами съ рѣшительными голосами, дѣйствующими въ качествѣ главнаго управления. Отсюда же представляется согласнымъ со смысломъ 5 ст., что упоминаемые

въ ней компаньоны также обладают рѣшительными голосами.

Признавая, на основаніи изложеннаго, что рѣшеніе вопроса о принятіи лицъ, владѣющихъ менѣе нежели десятью паями Верхне-Амурской золотопромышленной компаніи, въ число членовъ главнаго управленія означенной компаніи, принадлежитъ главному управленію компаніи, а не общему собранію компаньоновъ, и что постановленіе общаго собранія компаньоновъ отъ 29 мая 1897 г. по означенному вопросу представляется согласнымъ съ точнымъ смысломъ договора Верхне-Амурской золотопромышленной компаніи отъ 30 августа 1867 г., а рѣшеніе С.-Петербургскаго окружнаго суда по настоящему дѣлу 20 апрѣля 1898 г. неправильнымъ и подлежащимъ отмѣнѣ, судебная палата, руководствуясь 339, 366, 773, 776 и 868 ст. уст. гр. суд. и 569, 570, 1528, 1530 и 1536 ст. т. X ч. I, — опредѣляетъ: въ искѣ М. къ Верхне-Амурской золотопромышленной компаніи отказать съ возложеніемъ на истца издержекъ всего производства. Рѣшеніе С.-Петербургскаго окружнаго суда 20 апр. 1898 г. отмѣнить“.

По основному началу, выраженному въ 1536 и 1538 ст. X т. I ч., договоры должны быть исполняемы по ихъ точному разуму и при исполненіи должны быть изясняемы по словесному ихъ смыслу. Отсюда ясно, что квалификация договора сторонами, какъ неоднократно разъяснено Пр. Сенатомъ, не можетъ имѣть существеннаго значенія и отнесеніе договора къ тому или другому виду устанавливается судомъ, независимо отъ указаній ляжущихся (рѣш. 1875 г. № 455, 1876 г. 555, 568 и др.) Въ нарушение этого основнаго правила судебная палата признала Верхне-Амурскую компанію товариществомъ на вѣрѣ на томъ основаніи, что такъ она названа въ договорѣ. Въмѣсто того, чтобы разсмотрѣть, отвѣчаетъ ли данный договоръ тѣмъ необходимымъ признакамъ, коими законъ опредѣляетъ товарищество на вѣрѣ, палата принимаетъ данное контрагентами наименованіе, какъ непреложное, безусловно устанавливающее сущность его, и отсюда уже заключаетъ о правахъ и обязанностяхъ отдѣльныхъ участниковъ, подраздѣляя ихъ на полныхъ и неполныхъ товарищей. Между тѣмъ, отличительная черта неполнаго товарищества заключается въ томъ, что одно или нѣсколько лицъ участвуютъ въ компаніи точно опредѣленными вкладами, которые они ввѣряютъ полнымъ товарищамъ для торга (ст. 81 ст. уст. т.; 2130 ст. X т., I ч.) Этими исчерпывается все участіе вкладчика, который поэтому не можетъ ни въ какомъ случаѣ входить въ распоряженіе дѣлами онаго (83 ст. уст. т.) Эти постановленія, какъ имѣющія цѣль оградить третьихъ лицъ отъ убытковъ, не могутъ быть измѣнены соглашеніемъ товарищій между собою: нельзя напр. допустить, чтобы вкладчикъ управлялъ дѣлами товарищества, ибо въ такомъ случаѣ оказалось бы полное противорѣчіе мысли закона, согласно которой вкладчикъ ввѣряетъ опредѣленное имущество для торга другому. Вотъ почему Пр. Сенатъ въ рѣшеніяхъ за 1882 г. № 60 и 1890 г. № 69 разъяснилъ, что свойство участія компаньоновъ въ дѣлахъ товарищества и размѣръ вытекающей изъ него отвѣтственности за долю товарищества должны зависѣть не отъ того только, какими участниками они названы въ договорѣ товарищества, но отъ того, какія имъ тѣмъ договоромъ предоставлены права въ дѣлахъ товарищества. Въ настоящемъ же случаѣ не только не возникло противорѣчія между наименованіемъ участниковъ и характеромъ предоставленныхъ имъ правъ, но, напротивъ, судя по тѣмъ даннымъ, которыя установлены въ рѣшеніяхъ суда и палаты, въ договорѣ нигдѣ не упоминается о томъ, чтобы одни лица ввѣряли другимъ опредѣленное имущество для торга, ничего не говорится о количествѣ капитала, вносимаго каждымъ изъ вкладчиковъ, вопреки 86 ст. Установлено лишь, что „компанейское предпріятіе дѣлится

на 100 равныхъ частей или паевъ, распределенныхъ между учредителями. Всѣ они одинаково участвуютъ въ обсужденіи дѣла, имѣютъ по одному рѣшительному голосу“. Такимъ образомъ въ моментъ учрежденія компаніи юридической разницы между участниками не существовало, всѣ они являлись полными товарищами. Вступленіе же новыхъ лицъ возможно только при покупкѣ паевъ, причемъ лицо, приобрѣвшее меньше 10 паевъ, не участвуетъ въ главномъ управленіи, но выбираетъ товарища распорядителя и постановляетъ о выдачѣ дивиденда. — Такимъ образомъ и въ дальнѣйшемъ существованіи компаніи ничего не упоминается о вкладчикѣ. Степень участія каждаго участника въ управленіи обуславливается, съ одной стороны, временемъ вступленія его въ товарищескій договоръ, а съ другой — количествомъ принадлежащихъ ему паевъ. Въ этомъ отношеніи Верхне-Амурское товарищество ближе всего подходитъ къ типу товарищества по участкамъ. Но если, какъ справедливо замѣчаетъ палата, было бы неправильно примѣнять къ разсматриваемому договору правила закона, касающіяся акціонерныхъ компаній, такъ какъ послѣднія могутъ образоваться не иначе, какъ съ Высочайшаго утвержденія, то еще болѣе неосновательнымъ опредѣлить значеніе договора по наименованію его, вопреки его содержанію. Вотъ почему рѣшеніе палаты, все построенное на этой неправильной точкѣ зрѣнія, не выдерживаетъ критики и нельзя не согласиться съ судомъ, что подлежащій обсужденію вопросъ долженъ быть разрѣшенъ на основаніи правилъ о договорахъ вообще и даннаго договора въ частности.

Одесскій окружный судъ.

(Дача поручительства по минованіи срока исполненія обязательства).

Б. предъявилъ искъ къ К. и супругамъ Т. и объявилъ въ исковомъ прошеніи, что К., занявъ въ 1891 г. у его вѣрителя 20,000 руб. по двумъ векселямъ, не уплатилъ долга въ срокъ, вслѣдствіе чего векселя были протестованы, при чемъ послѣ протеста супруги Т. особой подпиской поручились солидарно въ исправномъ платежѣ слѣдующей Б. съ К. по протестованнымъ векселямъ суммы. Въ виду неуплаты К. означенныхъ 20,000 руб. повѣренный истца проситъ взыскать съ К. и Т. солидарно означенную сумму съ % со дня протеста, а также издержками производства, подвергнувъ рѣшеніе предвѣрительному исполненію.

Разсмотрѣвъ настоящій искъ въ части его, касающейся отвѣтчиковъ Т., въ виду вступленія по отношенію К. въ законную силу заочнаго рѣшенія Одесскаго окружнаго суда, которымъ были удовлетворены исковыя требованія, Одесскій окружный судъ при разрѣшеніи иска руководствуется слѣдующими соображеніями. Юридическимъ основаніемъ отвѣтственности Т. является данная ими Б. 16 августа 1892 г. подписка. Относительно значенія этой подписки существуетъ между сторонами разномысліе: истецъ придаетъ ей значеніе самостоятельнаго обязательства, на основаніи котораго супруги Т. приняли на себя отвѣтственность по долгу К.; отвѣтчики, напротивъ, считаютъ себя поручителями, обязанными отвѣчать лишь субсидиарно въ случаѣ надлежаще установленной неоплатности главнаго должника. Останавливаясь такимъ образомъ на квалификаціи положенной въ основу иска подписки, судъ, исходя изъ сущности поручительства, какъ договора, которымъ обеспечивается со стороны

третьих лиц исправное исполнение принятого на себя должником обязательства, и толкуя подписку по буквальному ея смыслу, находить, что ответчики Т., принимая на себя ответственность за чужой долг, имѣли намѣреніе обезпечить исправное исполнение обязательства со стороны К. и отнюдь не желали, замѣнивъ первоначальнаго должника, принять на себя самостоятельную ответственность за его долгъ. Понятіе исправнаго исполненія не исчерпывается моментомъ исполненія въ срокъ и обнимаетъ исполненіе вообще, т. е. удовлетвореніе кредитора должникомъ, а потому ручательство за исправное исполненіе вполне возможно и по наступленіи срока платежа по главному обязательству, хотя, конечно, въ этомъ случаѣ могутъ имѣть примѣненіе только такія, вытекающія изъ сущности поручительства права и обязанности, въ которыхъ срокъ не имѣетъ значенія (другими словами: не допускается, напримѣръ, срочное поручительство и непримѣнимъ 4 п. 1558 ст. 1 ч. X т.). Эта точка зрѣнія не опровергается и рѣшеніями Сената, на которыя ссылается истецъ 1870 г. №№ 648, 1872 г. № 158; 1876 г. № 64, желая доказать безусловную ответственность Т., вытекающую изъ принятаго ими на себя самостоятельнаго обязательства. Высказанному въ этихъ рѣшеніяхъ мимоходомъ тезису, по которому обязательство, выданное въ обезпеченіе долга, срокъ уплаты коего уже минулъ, теряетъ характеръ поручительства, нельзя придавать значеніе абсолютнаго и руководящаго принципа, ибо изъ характера рѣшеній, посвященныхъ главнымъ образомъ обсужденію особенностей конкретнаго случая, явствуетъ, что вышеозначенное положеніе есть только выраженный въ обобщенной формѣ выводъ, вытекающей изъ обстоятельствъ даннаго дѣла. Въ обоихъ случаяхъ, восходившихъ на разсмотрѣніе Сената (рѣшеніе 1876 г. не имѣетъ никакого отношенія къ поручительству послѣ срока, ибо касается возможности поручительства послѣ смерти главнаго должника), въ составѣ юридическихъ отношеній, составляющихъ предметъ спора, поручители, обезпечившіе главный долгъ по минованіи срока, требовали примѣненія къ нимъ специальныхъ нормъ о срокѣ, установленныхъ закономъ для поручительства (4 п. 1558 ст. 1 ч. X т.), и Сенатъ, признавая вполне естественно эту точку зрѣнія логически неправильной, выразилъ принципъ, который былъ бы нарушенъ этой точкой зрѣнія въ формѣ слишкомъ общаго положенія: о невозможности поручительства послѣ срока. Въ позднѣйшемъ рѣшеніи (1888 г. № 58) Сенатъ отступилъ отъ этого обобщенія и, признавъ, что утвержденіе закладной послѣ срока допускается дѣйствительно, установилъ для толкованія статьи 1554, 1 ч. X т., на которую онъ ссылался и въ вы-

шеприведенныхъ рѣшеніяхъ, другое противоположное раньше высказанному имъ тезису начало. Примѣняя эти соображенія къ настоящему случаю, слѣдуетъ прийти къ заключенію, что подписка, данная Т., является по смыслу своему поручительствомъ токмо въ платежъ суммы, а потому, согласно существу поручительства по нашему праву, ответственность ихъ предполагаетъ установленіе неполатимости главнаго должника К. Это послѣднее обстоятельство по дѣлу ничѣмъ однако не установлено, а потому требованія истца являются преждевременными и не могутъ подлежать удовлетворенію.

Приведенное рѣшеніе заслуживаетъ полнаго вниманія не только по превосходной разработкѣ трактимаго вопроса, но и потому, что оно представляется, къ сожалѣнію, рѣдкой примѣръ критическаго отношенія судовъ къ неправильнымъ взглядамъ Сената вмѣсто столь распространеннаго безотчетнаго подчиненія сенатскимъ рѣшеніямъ. Окр. судъ пытается какъ бы оправдать свой выводъ указаніемъ на то, что его „точка зрѣнія не опровергается рѣшеніями Сената, на которыя ссылается истецъ, потому что Сенатъ, будто бы, высказалъ свой тезисъ“ мимоходомъ... Въ дѣйствительности оно не совсемъ такъ: въ рѣшеніи № 158 за 1872 г. Пр. Сенатъ, прежде чѣмъ обратиться къ конкретнымъ обстоятельствамъ дошедшаго до его разсмотрѣнія дѣла, категорически установилъ общее положеніе, что „по точному смыслу 1554, 1557, 1558 и 1560 ст. X т. 1 ч., поручительство служить обезпеченіемъ вѣрнаго исполненія обязательства и потому *ни въ какомъ случаѣ* не можетъ быть дано по минованіи опредѣленнаго договорившимися лицами срока исполненія обязательства, такъ какъ въ этомъ случаѣ поручительство теряетъ свой характеръ и является новымъ долговымъ актомъ, по которому выдавшее оный лицо принимаетъ на себя уплату чужого долга“. Въ такомъ именно видѣ положеніе это предлагается нашей судебной практикѣ въ комментированныхъ изданіяхъ X т. (См. Гаугеръ, изд. 4, стр. 554, тез. 13 б; Боровиковскій, изд. 9, стр. 143 § 5). Но насколько это положеніе категорично, настолько оно неосновательно, настолько не оправдывается „точнымъ смысломъ“, на который сдѣлана весьма рѣшительная ссылка. Въ ст. 1557 сказано, что поручительство, между прочимъ, можетъ быть дано „токмо въ платежъ суммы“. Такъ какъ по минованіи срока исполненія обязательства обязательство платежа остается, то почему же точный смыслъ мѣшаетъ установленію поручительства въ платежъ суммы? Что же касается рѣшенія 1888 г. № 58, то едва-ли въ немъ можно видѣть измѣненіе ранѣе высказаннаго взгляда: Пр. Сенатъ касается здѣсь вопроса объ утвержденіи ст. нотаріусомъ закладной послѣ срока займа и такъ какъ Сенатъ исходитъ изъ соображеній, касающихся исключительно залога (представленіе акта на утвержденіе къ ст. нотаріусу въ годовой срокъ, независимо отъ срока займа), то безъ особой натяжки нельзя примѣнить это разъясненіе къ договору поручительства. Вотъ почему было бы крайне желательно, чтобы Пр. Сенатъ пересмотрѣлъ выраженный имъ взглядъ и устранилъ напрасное, ни на чемъ не основанное стѣсненіе гражданскаго оборота.

При этомъ № годовымъ подписчик. разсылаются 12-й и 13-й листы рѣшен. гражд. насац. деп. Пр. Сената за 1898 г.

Редакторы-издатели: Приватъ-доцентъ *В. М. Гессенъ.*
Н. И. Лазаревскій.

Типографія Спб. акц. общ. печ. дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ. Троицкая ул., 18.